

18+

Александра Лисицина
НА ОСТРИЕ
СКАЛЫ

часть вторая

Александра Лисицина
На острие скалы. Часть 2

«Издательские решения»

Лисицина А.

На острие скалы. Часть 2 / А. Лисицина — «Издательские решения»,

Последний из древних богов ещё живёт среди людей и вершит свои дела. Могущественный орден подминает под себя земли одну за другой, в то время как погрязшие в суевериях люди не видят правды рядом с собой. Испытания и вызовы, ломающие привычную реальность, один за другим обрушиваются на героев: спасти друзей и защитить родной город, найти себя и друга и, в конце концов, просто выжить. Но что может противопоставить могущественным противникам простой человек? Или не очень простой?

© Лисицина А.

© Издательские решения

Содержание

1 Глава	6
2 Глава	15
3 Глава	24
4 Глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

На острие скалы. Часть 2

Александра Лисицина

© Александра Лисицина, 2026

ISBN 978-5-0069-8651-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-8511-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Глава

Лаборатория. Аранид

В дверь постучали.

Ну конечно же они стучат — тяжёлая глухая дверь, обитая войлоком и кожей для лучшей изоляции, была заперта изнутри. Милостивые боги-кьяалди, так же невозможно работать! За пару часов в дверь стучали уже в пятый раз. Или в шестой? А до этого со свистом и грохотом из трубы прилетело три капсулы летучей почты: из них только одна действительно по делу, с ответом на запрос со склада. Искомое вещество ещё имелось пока в достаточном количестве, и они готовы предоставить ровно пять унций для следующего эксперимента. Этого хватит... Хватит... Если посчитать, ну, на три попытки. И ещё одна пятая часть останется...

Постучали снова, вырвав лаборанта Гильерна Брасса из страдальческих мыслей. Его аккуратные ухоженные руки замерли над миниатюрными весами, на которых он отмерял порошки для очередной пробы. Мужчина медленно выдохнул, стряхнул порошок со стеклянной палочки обратно в банку, отложил инструмент, аккуратно отодвинул стул на колёсиках (чудесное изобретение сэкономило время и нервы!) и поднялся из-за своего огромного, в четверть комнаты стола.

Нет, сегодня определённо не дают работать. Первая из прилетевших сегодня ранее колб содержала напоминание о вечернем сборе лаборантов, вторая — так вообще была приглашением съесть пару ароматных пирожных в компании старого учителя. Предложение было заманчивым, тем более что сладости пропадали в ненасытной утробе лаборанта бесследно, благодаря чему он завидно отличался фигурой от коллег по профессии. Но к моменту получения приглашения уже был запущен длительный процесс изготовления очередного, на этот раз универсального, как надеялся Брасс, состава сыворотки. А к тому времени, когда состав будет готов, от пирожных уже ничего не останется...

Стук в дверь повторился, гораздо более настойчиво.

— Господин, Брасс! Вы здесь? — услышал лаборант сквозь плотную дверь.

Пробормотав: «Уходите, здесь вам не рады,» — лаборант вздохнул, и, потягивая затёкшие мышцы, пошёл открывать с чётким намерением отделаться как можно быстрее, кто бы там ни был.

Он едва успел отодвинуть щеколду, как дверь распахнулась и буквально отбросила его вглубь кабинета.

— Да что вы делаете?! Вы чуть не уронили меня!

— Прощу прощения, господин Брасс! И в мыслях не было. Я опирался на дверь, уже решив, что вас нет на месте, и думал, где вас искать, — оправдывался посыльный, работник орденской канцелярии, судя по всему.

Гильер Брасс закатил глаза. Оказывается, можно было не вставать.

— У меня здесь срочный документ для вас, — добавил посыльный.

Ну что за день? Всем от него что-то нужно. Теперь ещё и срочно.

— Ох... Давайте его сюда. Что это? Приказ первой категории срочности? Могли бы в колбе прислать, а не гонять ногами человека по замку!

— При мне копию с разъяснениями готовили к отправке. Это распоряжение буквально только что спустили сверху. Распишитесь, пожалуйста, о получении. На документе и в моём журнале, — служитель канцелярии снова оказался в своей тарелке и переключился на привычный язык.

— Но?! Вы понимаете, — лаборант понимал всю абсурдность своих претензий к этому человеку, но смолчать-то он не мог. — Даже если я распишусь... Я всё равно не смогу отложить то, чем я сейчас занят, и приступить к другому исследованию!

— Господин Брасс, при всём уважении, эти вопросы уже не ко мне. Я лишь курьер. Документ — вам, отчёт о получении — тремя этажами выше, — человек многозначительно указал глазами на потолок.

«М-да. День вздохов и незадавшейся работы.»

Обмакнув перо в тушь и бросив взгляд на массивные напольные часы, лаборант аккуратно написал на документе: «*лаб-т Гильерн Брасс, получено такого-то дня, два гонга пополюдни*». В этот же момент из стены послышался противный свист, удары, шипение, а затем из округлого отверстия с грохотом и лязгом вылетела и упала в корзину четвёртая за сегодня медная капсула. Рука с пером дёрнулась, аккуратный вензель превратился в корявого уродца.

Курьер принял журнал под аккомпанемент очередного вздоха лаборанта, откланялся и поспешил покинуть комнату.

Гильерн Брасс, лаборант первого звена ордена св. Литке, неспеша подошёл к застеленной плотным полотном корзине — приёмнику для летучей почты, помедлил мгновение, прежде чем взять в руки виновницу испорченной подписи. В отличие от трёх предыдущих эта была выкрашена в красный цвет.

— Что ж, думаю, вас можно поздравить, мастер Брасс!

Лаборант с недоверием воззрился на своего старого учителя. Гильерну пришлось в самом деле остановить уже запущенный процесс, — благо, драгоценные составляющие он не успел задействовать, — и бежать к главе Лаборатории ордена св. Литке за какими-то новыми поручениями.

— Поздравить с чем, позволю себе спросить? — вопрос звучал с приличной долей скептицизма.

— Да полно вам, дорогой мой Гильерн. Присядьте.

Одиннадцатый по счёту глава Лаборатории, Палаян Геренчи, посвящённый рыцарь, уроженец священного острова хорошо знал своего лучшего ученика. Брат Брасс всегда был нелюдимым, чрезмерно мнительными и тревожным и очень легко и быстро впадал в отчаяние. Но тем не менее он всё ещё оставался самым талантливым из всех подчинённых брата Палаяна.

— Приготовьтесь, — глава Лаборатории подмигнул Брассу, — вам обещали новую кровь! Его ученик смотрел хмуро и недоверчиво.

— Это действительно то, о чём я думаю? — выдавил лаборант из себя, наконец.

— Я, хвала Уль-Куэло, не знаю, о чём ты думаешь, — улыбнулся брат Палаян. — Но всем известно, ты несколько лет бьёшься над загадкой устойчивости крови руннин-тиар к нашим воздействиям...

Учитель замер, наблюдая сквозь опущенные веки за своим учеником.

— Пятнадцать, если быть точным, — бесстрастно ответил Гильерн Брасс.

Он давно смирился с тем, что все его эксперименты заходят в тупик по совершенно невозможным причинам, и перестал реагировать на упоминание его неудач так же остро, как и поначалу. В конце концов никто дальше него не продвинулся в исследованиях.

— Пятнадцать лет назад я начал разработку основы для воздействия на иные, отличные от наших типы крови и людей другого происхождения. Но все материалы для исследования никогда не обладали чистой кровью и были плодом межплеменных союзов. А, как вам известно, изначальный состав должен быть разработан для кристально чистой, без примеси, основы. Да, я был вынужден все мои работы убрать в стол.

Лаборант несколько покривил душой, жалуясь учителю на свои неудачи. Ни в какой стол он ничего не убирал. Не далее как сегодня утром он получил от своего помощника две пробирки с кровью предположительного руннин-тиар и пытался прогнать их через свой аппарат.

— Так вот пришло время вынуть их оттуда, — серьёзно произнёс учитель. — Нам обещали в течение семи, максимум десяти дней поставить материал с побережья, с самого края мира. Безупречная генеалогия.

Гильерн Брасс едва не задохнулся:

— Сколько? Сколько единиц?

— Одна, мастер Брасс. Всего одна, — брат Палаян знал, что сейчас его ученик вновь расстроится, закроется и пустит мысли по пессимистичному пути.

— Это так мало... Если, конечно, эта кровь окажется чиста, а не как обычно... — лаборант и тут оправдал ожидания своего учителя и руководителя.

— Лучше, чем ничего, ведь правда? Послушай, — глава Лаборатории перегнулся через стол и перешёл на дружеский тон, — ты уже проделал огромную работу и почти добился успеха. У тебя есть несколько вариантов наших сывороток, составленных специально для руннин-тиар. У тебя не выходило, потому что не было чистой крови. А сейчас для начальных тестов ты можешь её взять много — сколько нужно. Прогони её через твои пробные варианты. Уверен, один или два точно должны подойти. Да, потом, в конце, у нас будет только одна попытка, но я верю в тебя — ты единственный, кто приблизился к разгадке, и если не получится у тебя, то уже никто не решит эту задачу. Даже сам Уль-Куэло.

Пока брат Палаян говорил эти слова, глаза лаборанта Брасса разгорались, в них появились тот задор и готовность наброситься на очередную задачу, за которые когда-то давно глава Лаборатории и выбрал брата Гильерна в свои персональные ученики.

— Да! — лаборант наконец-то позволил себе улыбнуться. — Вы правы, мастер Геренчи! Но я уже заказал пять унций...

— Гиль, я лично обеспечу тебя всем необходимым, даже если оно будет стоить с пол-Араинда. Моя лаборатория и все мои ресурсы и возможности — твои. Просто победи эту кровь, заставь чёртовых руннин-тиар подчиниться.

* * *

Истинное состояние брата Брегера выдавала чрезмерная бледность и покрытый испариной лоб. Юный рыцарь собрал волю в кулак и изо всех сил старался делать вид, что ничего не произошло! Но как всегда с любым другим позорным случаем, мысли упорно продолжали возвращаться к этому моменту. Вот он впервые гордо ступает на палубу, следуя прямо за за посланниками из Араинда. Брат Брегер совершенно не думает о том, что корабль — не твёрдая неподвижная земля, и в следующий же момент он шатается, поскользывается на отполированных досках и, потеряв всякую важность и достоинство, шлёпется на зад.

Нарочно не придумаешь!

Вся торжественность момента полетела псу под хвост. Раз за разом момент падения всплывал в сознании, швыряя в жар, и Роайви ещё сильнее вцеплялся пальцами в борт шхуны и скрипел зубами. А ещё его мутило. Брегера предупреждали, что такое может случиться, но рыцарь до последнего надеялся, что этот недуг его не коснётся.

Но даже и это можно было бы стерпеть, если бы только не брат Сильвиген! Увидев, как Роайви растянулся на палубе, тот поднялся со свёрнутых канатов и издевательски твёрдой походкой подошёл к Брегеру.

— Вам помочь, брат? — бросил он свысока с гаденькой усмешкой.

Треклятый варвар! Да простят его милостивые кьяалди за это сквернословие. Зато больше он эту уверенную поступь не увидит. Роайви как представитель ордена в Араинде,

настоял на том, чтобы Стилвигена заперли в трюмной комнатке под палубой. Для надёжности. И от греха подальше.

Очень раздражало, что они уже пару гонгов болтались на корабле без возможности отчалить. Из-за этой непонятной стрельбы на набережной отплытие отложили, а вот теперь ветер стих и не думал возвращаться. Брату Брегеру было страшно интересно, кто же был целью для стрелков, но он с этим мокрым после падения задом не чувствовал себя достаточно уверенным для того, чтобы идти расспрашивать. Обрывки разговоров, периодически доносящиеся до него, гласили, что стреляли в бывшего посланника Равнинных врат Стилвигена. Но это же несуразица. Кому может быть нужен этот ренегат?

Стоял полнейший штиль.

Несколько раз Роайви мерещилось движение воздуха, но потом прегадко скрутившийся живот намекал, что на самом деле это судно качалось на еле шевелящейся воде.

Наконец брат Брегер заставил себя оторваться от борта корабля и, аккуратно ступая, отправился в свою микроскопическую каюту на высоко поднятой корме. Войдя внутрь, он едва не споткнулся о тяжёлый сундук — ценнейший груз, который необходимо было доставить в Араинд и передать на изучение высшим иерархам. Главная ответственность и, как доверительно шепнул брату Брегеру сам командор (!), основная цель поездки на священный остров. Хотя сам способ доставки, конечно, вызвал немало споров и возражений: как же можно доверить враждебному морю ценные артефакты!

А вдруг шхуна затеряется на лишённой ориентиров морской глади, и высохшие трупы рыцарей навсегда останутся дрейфовать под солнцем и луной? А что будет, если корабль перевернётся? А если его захлестнёт гигантская волна, разобьёт о скалы и протащит по дну? А если морские боги всё-таки ещё живы и станут мстить? А вдруг ночью из-под воды вынырнет одно из тех жутких чудищ, которыми изобилуют старые портоланы?..

Брегер сидел в своём гамаке и мрачно косился на неподвижный сундук. Если бы орденский делегат прекратил страдать от едва качающегося судна и желания избавиться от груза ответственности (и завтрака) и выглянул наружу, то увидел бы, как тяжёлое облако медленно сползает с гор и накрывает город. А ещё через четверть гонга забегали матросы, выполняя распоряжения капитана — свежий ветер готов был наполнить паруса и проверить на прочность самонадеянную деревянную скорлупку.

В путешествиях и похождениях своей прошлой жизни Свену приходилось спать в местах, гораздо менее приветливых, и на более твёрдых и неровных поверхностях. Но эта ночка в трюме «первого за тысячу лет (будь она проклята, эта тысяча лет!) корабля» оказалась даже хуже сырого подвала иссенской ратуши, в котором бывший наёмник «гостил» пять лет назад в ожидании смертного приговора.

В сегодняшней каморке под палубой невозможно было ни выпрямиться стоя, ни вытянуться лежа. Стоило судну отойти от берега на приличное расстояние и взять курс на Араинд, как волнение ощутимо усилилось, и корабль начало швырять по крутым и быстрым волнам. Рыцарь то и дело ударялся о стены и торчащие из них крепежи для груза, сейчас простаивающие без дела. Удобства не добавляла и оставленная по настоянию Роайви Брегера цепь на руках. Свен очень надеялся, что этот мелкий говнюк уже вывернулся наизнанку на волнах, и теперь отдаёт морским богам собственные внутренности на потеху чайкам.

К середине ночи Стилвиген набил себе синяки по всему телу. Ни о каком сне речи, конечно, и не могло идти, поэтому он упёрся ногами и спиной в стены в углу каморки, и костерил конструкцию судна, матросов, то и дело пробегающих с топотом у него над головой, брата Брегера, коему он был обязан нахождением в трюме, не стесняясь в выражениях. Ордену в целом и самому себе в частности тоже хватило крепких словечек.

От удара очередной волны корабль задрожал, застонали доски и канаты, судно опасно накренилось на левый борт. Свен не удержался в своём спасительном углу и рухнул на бок, перекатился, неловко стоя на четвереньках. Он пытался удерживать равновесие, но судно, выровнявшее было положение, стало снова тяжело и тягуче крениться, и Свена будто уходящей волной потащило обратно, он не нашёл, за что схватиться и покатился, ударился головой. Глухой удар и тупая боль отозвались где-то в глубинах души, вздымая липкие щупальца тьмы и ненависти. В глазах потемнело и тело стало разрывать тысячи морских бесов.

Шторм, разыгравшийся в море, зазвучал в унисон с мыслями островитянина. Брату Брегеру стоило бы благодарить своих кьяалди за вой ветра и грохот взбунтовавшихся вод. Услышь он, что островитянин клянётся с ним сделать, он бы не сомкнул больше глаз в своей жизни.

Шторм утих к утру. А потом было ещё три дня и три ночи, в течение которых все пытались высмотреть потерявшийся где-то на севере берег. Свен, которому милосердно было позволено несколько раз за день подниматься на палубу, ощущал панику, то и дело охватывающую команду и путешественников. Она никак ещё не успела проявиться, но беспокойство и неуверенность звенели в воздухе и чувствовались и в движениях матросов, и в голосе капитана, отдающего приказы.

Все боялись затеряться в бескрайних водах. И втайне опасались амбальгован. Да, война богов была проиграна ими, но кто знает, что таят в себе морские глубины.

Трабольд Берна ещё в Старом Ори уверял командора, что команда «Святого Литке» очень опытная, нарочно игнорируя простую правду: где моряки могли набраться опыта, если уже тысячу лет никто не ходил под парусом, не считая челноков между островами и большой землёй и мелких рыбацких лодок? Свен очень сомневался, что для управления «Святым Литке» выписали лодочников, курсирующих между Асхе и Хальмором.

Будь это кто из северян, Свен не замечал бы, как моряки отводят от него взгляд, шепчут молитвы или сплёвывают через плечо, когда думают, что их никто не видит. Ещё бы! Ведь корабль везёт в цепях одного из руннин-тиар — человека моря. Одного из тех, что всегда были на стороне амбальгован.

В эти дни Стивльвиген вообще не пересекался с братом Брегером. То ли так распорядился случай, то ли, что казалось ближе к правде, Роайви специально избегал бывшего посланника Равнинных Врат, отлично понимая, какие неудобства тот терпит по его милости.

«Или он полностью вывернулся за борт, и сейчас его пожирают солёные рыбы.»

На такой исход, Свен, конечно, и не надеялся: и рыб жаль, и прикончить Брегера хотелось собственными руками. Он ведь поклялся сам себе в ту штормовую ночь, что прирежет молодого рыцаря при первой же возможности.

В последний вечер, когда солдаты-светлячки провожали Стивльвигена в его каморку, на палубе вдруг показался брат Роайви Брегер в сопровождении Трабольда Берна. Они вышли из каюты и застыли двумя чёрными силуэтами на фоне зеленеющего закатного неба.

— Мне сложно представить, брат Роайви, — открыл рот рыцарь из Араинда, переводя взгляд со Свена на собеседника и обратно, — через что тебе пришлось пройти, пока ты сопровождал этого ренегата.

— Благодарю, брат Трабольд, — Роайви и не взглянул на островитянина, застывшего перед зияющей чернотой открытого люка. — Смею надеяться, что я стойко перенёс это испытание. Но я бы не стал использовать в отношении Стивльвигена слово «ренегат», — всё-таки командор счёл его достойным посвящения, и не в моём праве оспаривать его решение...

Свен вдруг понял, что этот разговор специально начат для него, и что пара солдат-стражников не просто так не подталкивает его к спуску в трюм. Островитянин устремил взгляд в бескрайний горизонт и стал слушать.

— Я ценю вашу верность, брат Роайви, — до ушей Свена снова донёлся голос Трабольда из Араинда, — но я могу кое-кому замолвить словечко. Я не связан вашими обязательствами, и вполне могу представить, что, например, в силу весьма преклонного возраста командор Виежи мог совершить ошибку, назначив кандидатом на посвящение не того рыцаря.

Перед глазами Свена, неотрывно смотрящими на горизонт, вдруг всплыли воспоминания о доме: чёрные пляжи, каменные лачуги и рыба чешуя везде. Образы родного Аске появлялись всегда, когда Свен злился и ненавидел собственную беспомощность.

Рыцари замолчали.

«Неужели, они ждут чего-то от меня?» — понял вдруг Свен, прогоняя из головы воспоминание об отце, волочащем корзину с рыбой.

Островитянин сделал над собой усилие и не повернулся взглянуть на Трабольда и Роайви. Вообще, всё это до неприличия напоминало его разговор с Даберлашем, когда тот предлагал помочь с побегом из замка. До чего же всем мешает его вероятное посвящение! Свен поймал себя на глупой мысли, что, быть может, стоит пройти его назло всем?

«Ну да, ну да, потерять себя — отличная цена за то, чтобы насолить всем этим шакалам.»

«А какие у нас вообще есть варианты, дружище?»

— Сколько... — начал Свен достаточно громко, чтобы его услышали на всём корабле, — сколько заплатил вам Хессен Мьори за то, чтобы избавить меня от посвящения?

Показалось, что после этих слов само море застыло, воздух замер в своём стремлении и паруса прекратили полоскаться и хлопать на ветру.

Островитянин подождал несколько мгновений, убедившись, что все услышали и поняли смысл его слов, и после этого шагнул в чёрный провал трюма.

Крик «Земля!» растревожил спящих в тот ранний час, когда небо едва-едва начинает зеленеть.

«Земля!» — повторилось снова.

— Земля, господин Брегер! — кто-то упорно повторял это слово прямо по ту сторону двери в каюту. — Слава кьяалди, слава Уль-Куэло, мы почти в Араинде!

Роайви с трудом разогнулся и выбрался из гамака, на затёкших ногах сделал пару шагов к двери.

Утро встретило его бодрящей свежестью. Выйдя на палубу, рыцарь поёжился, и тут же вернулся за плащом.

«Интересно, каково там этому варвару в трюме?» — мысль возникла сама собой, но Брегер тут же откинул её — даже думать об островитянине должно быть ниже его достоинства.

Тем более, что его уже захватил вид, открывшийся впереди. Сквозь мачты и снасти левее разгорающегося рассвета молодой рыцарь увидел парящий над водой остров. Тонкая полоска воды перед ним отражала небо, и казалось, что земля замерла над морской гладью. А если взглянуть ещё дальше, левее, то из предрассветного тумана проступали мутные размытые контуры континента.

Стояла тишина. Едва заметный ветер тем не менее продолжал потихоньку подгонять корабль на северо-восток. В плеск воды о борт и немелодичный скрип снастей ворвался далёкий чайчий плач.

Роайви протёр глаза, спрятал руку обратно под плащ и ещё раз внимательно взгляделся в горизонт. Ну да. Вон слева видна оконечность материка (название гор, конечно же, он не помнил), затем пролив, а правее — чёткий силуэт острова. Это действительно может быть Араинд. Должен быть!

Боги слышали его молитвы. Они добрались.

Араинд! Священный остров! Земля, в которой *всё* началось!

Еле сдерживая волнение и норовящее выскочить из груди сердце, Роайви перебрался на нос корабля и с воодушевлением взгляделся в медленно увеличивающийся остров.

— Господин Брегер, — капитан шхуны умудрился подойти совершенно неслышно, и Роайви слегка вздрогнул от раздавшегося над ухом сипловатого голоса. — По моим подсчётам, приблизительно через три гонга мы уже должны входить в гавань: «Святой Литке» встал на подводное течение, и здесь даже в полный штиль сложно промахнуться.

— А, капитан, это вы! — Роайви нехотя оглянулся. — У меня к вам вопрос: эти три гонга имеют какое-то отношение к обещанным трём дням пути из Ори?

— Что вы хотите этим сказать? — поинтересовался капитан.

— А то, что вместо трёх дней, мы болтаемся в этой проклятой воде, которую даже пить нельзя, пятеро суток! Это место не для людей, я не собирался ни единой лишней минуты проводить на этом вашем корабле!

С каждым произнесённым Роайви словом менялся взгляд, которым одаривал его капитан. Когда брат Брегер, наконец, замолчал, тот ответил не сразу, явно раздумывая, стоит ли грубить этому молокососу. Он вспомнил, как этот рыцарь важно вышагивал по набережной, и как растянулся на палубе, как его тошнило всю дорогу... И принял решение ответить вежливо:

— Господин, надеюсь, вы понимаете, что это вовсе не моя вина. В первую же ночь ветер унёс нас слишком далеко в открытое море. И пришлось потратить кое-какое время на то, чтобы установить наше местоположение и построение нового курса...

— Конечно, — отмахнулся Брегер. — Именно это я и ожидал услышать! Оправдания, объяснения... Несомненно, это следствия неподготовленности команды и вашего никчёмного опыта. Следовало ожидать.

Капитан открыл было рот, но тут же закрыл его обратно, справедливо рассудив, что здесь спорить бесполезно. А потом быстро, насколько позволяла вежливость, поклонился и оставил брата Брегера ёжиться на носу в одиночестве.

Юный рыцарь однажды был уже в Араинде. Семь лет назад он отправился в путь через весь континент в составе большой делегации. Для совсем молодого Роайви выпавшая ему тогда честь оказалась совершенной неожиданностью: ведь и года не прошло, как он оказался в рядах *светлячков*. Много позже уже посвящённый брат Брегер узнал о том, что его семья пожертвовала ордену чуть ли не половину состояния и обширные земли на южной границе Озёрного края.

Тогда место вдохновляющего восторга от собственной значимости занял горький привкус обмана и обыденности. Но, несмотря на это, воспоминания о путешествии на священный остров всегда приносили радость Роайви. Вот и сейчас, стоя на носу «Святого Литке» он думал о своём первом посещении Араинда. Хотя, странное дело, брат Брегер был уверен, что на всю жизнь запомнит подробности, каждый камешек мостовой и каждую белокаменную арку. И каждую деталь обряда. И самого великого Уль-Куэло.

По возвращении в замок Равнинных врат рыцарь с величайшим удивлением перебирал те несколько моментов, оставшихся в памяти. Остальное — как корова языком слизала!

Но уж в этот раз-то всё точно будет по-иному.

Роайви взгляделся, убедился, что на носу он находится в одиночестве, и никто не побеспокоит его. Рыцарь снял с пояса фляжку, выданную ему в путешествие командором Виежи, выдернул пробку, плеснул на ладонь несколько капель воды и омыл лицо. Разум очистился, лишние мысли покинули голову брата Брегера.

Рыцарь закупорил и убрал флягу обратно, сомкнул веки и мысленно громко и внятно проговорил: «Братья священного острова! Корабль „Святой Литке“ уже на подходе к Араинду. Ждите нас спустя три гонга. С великим счастьем, смирением и благодарностью проживаю я это время.»

И братья услышали.

— Дьявольская поездочка! Это точно мои ноги? — Свен с хрустом потянулся.

— А что, есть сомнения? — стражник-светлячок помог островитянину выбраться из его каморки.

— Ладно бы только ноги. Основные сомнения мне внушает моя голова. Да и попить бы не мешало.

— На, держи. До гавани рукой подать, можно перестать трястись над питьевой водой.

Стражник-светлячок достал свою флягу, открыл и приставил ко рту островитянина: эта короткая цепь, притянутая к поясу, усложняла островитянину любое действие. Свен был уверен, что Роайви отлично это понимал, когда убедил остальных в том, что только так возможно обезопасить команду и делегатов от выходов непредсказуемого варвара.

Свен, наконец, оторвался от фляги, практически полностью её осушив, вытер рот плечом, неловко наклонившись, и вернул стражнику:

— Спасибо, друг! Сдаётся мне, ты единственный нормальный человек на этой посудине. Теперь уже и от пейзажа вроде не так тошнит. М-да, а ведь это та земля, куда я стремился попасть меньше всего, — Свен задумчиво обвёл глазами горизонт, усмехнулся, но потом что-то привлекло его внимание, и он толкнул стражника локтем в бок: — Смотри, а что это такое там на воде перед островом? Не пойму никак.

Светлячок взглянул в указанном направлении, сощурился.

— Где? Не вижу.

— Да вон же, смотри: ровно посередине, где, кажется, и должна быть гавань. Что это за частокол?

— Убей — не вижу. Муть какая-то и всё.

Островитянин хотел было указать стражнику рукой на то, что выглядело таким необычным, но натянувшаяся цепь вновь напомнила о себе.

— Да чтоб тебя разорвало! — выругался Свен и добавил, уже обращаясь к светлячку: — Нет, не муть! Дай-ка... Да это же мачты! Слышишь?! Это мачты! Это всё корабли вроде этого. Два, четыре, шесть, восемь, десять... Нет, отсюда не сосчитать.

Свен не поверил своим глазам. В Араинде успели, оказывается, построить не одного «Святого Литке»! Отсюда сложно было судить об истинном количестве кораблей, но у входа в гавань, островитянин был уверен, стояло около пяти штук. И, ещё дальше в утреннем мареве терялись очертания других. Вот это кто-то развернулся! Куда же они собрались ходить по солёной воде? Значит ли это, что в высших кругах ордена настолько всерьёз относятся к предсказаниям последних амбальгован о тысяче лет Злых морей?

Но ведь мало верить в предсказание — надо чтобы ещё оно действительно сбылось... Что знали уцелевшие после гибели Бронпиталя амбальговане? Были ли Злые моря их рук делом? Если да, то как, каким образом можно заставить воды поглощать людей и их плавучие творения... Думая об этом, Свен медленно, покачиваясь в такт волнам, побрёл на нос корабля, туда, где застыл в благоговении Роайви Брегер.

По мере приближения к делегату походка островитянина менялась, из задумчивой «нога за ногу» превратилась в уверенную и даже несколько бесшабашную.

Стильвиген опёрся спиной о борт в паре шагов от Брегера.

— Ты что здесь делаешь?! — взвился тот, отстраняясь от Свена, как от прокажённого. — Почему ты наверху?

Свен не то улыбнулся, не то оскалился:

— Да вот знаешь, что-то не сидится в трюме. Насладился вдосталь своими покоями, — островитянин внимательно посмотрел в глаза брату Роайви, как насквозь высверлил, и про-

должил вкрадчиво, понизив голос и приблизив лицо к рыцарю: — Не дождусь того момента, когда мы с тобой влезем друг другу в головы и поселимся там навсегда.

Несколько ударов сердца Свен с удовлетворением наблюдал искривившуюся физиономию брата Брегера, вновь позеленевшую, и смотрел, как тот то открывал рот, то закрывал его обратно, так и не найдя, что ответить.

— Но ты не переживай, брат Роайви, ты быстро к этому привыкнешь, — добил он, наконец, молодого рыцаря.

Роайви оторвался от борта, выпрямился, отшатнулся от островитянина, отошёл на пару шагов назад.

— Никакой ты мне не брат! Был, да и то сомнительно. Но сейчас ты — мой пленник, — Брегер рубанул воздух ладонью. — И в свою голову я тебя не пущу. Ты даже не имеешь представления о том, как происходит общение посвящённых! Тебе не место здесь, тем более в Святом городе и в Чертогах посвящения! Ты должен гнить на морском дне, как предатель и ренегат!

Свен не мог не согласиться с тем, что ему действительно не место здесь. Но вслух, конечно, он произнёс совсем иное.

— Экая безграмотность: мертвяки всплывают, а не на дне гниют. Сразу видно, далеко ты от воды вырос. Скажи, брат Брегер, а ты вот это, — Свен показал скованные руки, — собираешься оставить так? Может, хватит уже дурить?

— Я тебе не доверяю, — прошипел в ответ собеседник. — И именно так ты дойдёшь до самой Цитадели!

— Ты дурак, Брег, — Свену вдруг стал невероятно скучен весь этот диалог. — Оставив цепь на руках рыцаря, следующего на посвящение, ты подставляешь только себя. Но, надеюсь, ты хотя бы наслаждаешься этим.

Роайви Брегер ничего не ответил, лишь некрасиво скривил пухлые губы, сплюнул в воду и ушёл, пошатываясь вместе с палубой.

Свен остался в одиночестве вглядываться в однообразные волны, рассекаемые острым носом судна. Ну, хотя бы одна мелкая гаденькая победа. Пока оставалось довольствоваться подобным.

2 Глава

«Святой Литке» замер у длинной пристани в небольшой естественной бухте.

Свен так и торчал на носу, посматривая вокруг, пока рабочие порта ловили канаты, закрепляли корабль, тащили мостки для более удобного спуска на берег. Стивльвиген не знал, что и думать. Он родился и вырос на берегу моря и в дальнейшем провёл кое-какое время в Хальморе и Наасе, также граничащих с солёными водами. В конце концов тот же Старый Ори тоже вполне себе город на берегу. Но то, что островитянин увидел здесь, разительно отличалось и заставляло задуматься.

Два языка суши, низкие в своих окончаниях и возвышающиеся ближе к самому городу, где они становились отвесной скалой, как бы обнимали гавань Араинда с двух сторон. Вдоль кромки воды по кругу была проложена мощёная дорога, и с обеих сторон она уходила вверх и ныряла в ближайшие городские кварталы. Несколько выстроенных пристаней тянулись от берега к центру гавани, как протянутые руки.

«Святой Литке» пристал прямо напротив входа в бухту к центральному причалу, упирающемуся дальним концом в подножие скалы в наиболее высоком её месте. Именно здесь заканчивалась понятная и знакомая картина. А вот что там висело и спускалось с самого верха вниз к воде, Свен не мог понять, как ни вглядывался. В конце концов он бросил это занятие, решив, что при случае поинтересуется у кого-нибудь.

«Если конечно, такой случай представится. Ты же понимаешь, что прибыл сюда не город и окрестности посмотреть.»

Их встречали. Скорее по-деловому, нежели торжественно.

Пока рабочие суетились и споро выполняли свою работу, по длинной пристани к кораблю подошёл высокопоставленный (по крайней мере Свен так решил, исходя из того, как тот держался) рыцарь и несколько спутников пониже рангом. Они молча стояли и ждали в нескольких шагах. В чистейших серебристо-серых одеяниях рыцари выглядели безупречно.

Наконец с корабля по мосткам на пристань спустился Трабольд Берна со своей четвёркой. Братья, вернувшиеся в Араинд, отошли назад, освобождая проход для рабочих, которые, пыхтя, спускали со «Святого Литке» сундук с дарами.

Пришёл черёд делегации из Старого Ори. Свен не без наслаждения следил за внутренней борьбой Роайви Брегера. Наконец, разум возобладал над спесью, и молодой рыцарь, позвал островитянина, расслабленно ожидавшего на носу.

— Стивльвиген! Подойди, мы спускаемся на берег, — брат Брегер изо всех сил старался, чтобы его голос звучал ровно, и почти в этом преуспел.

Только зная о взаимной неприязни этих двоих, можно было уловить в интонациях Роайви скрежещущие нотки.

Едва последний из прибывших сошёл на берег, как над гаванью прозвучали слова:

— Приветствуем вас в Араинде, обители кьяалди, звёззных богов, друзья! — произнёсший эти слова рыцарь выглядел очень плохо.

«Мумия какая-то», — подумалось Свену.

Однако голос звучал удивительно звонко, никак не соответствуя облику своего владельца.

— С поющими сердцами мы встречаем вас здесь после столь опасного путешествия. Искренне надеемся, что оно не слишком утомило вас и прошло без происшествий. Меня зовут Шехи Бента, — рыцарь приложил к груди ладонь нездорового желтоватого цвета и слегка склонил голову. — Мне приказано проводить вас в Цитадель и показать вам ваши покои.

— Благодарим вас! Я — Роайви Брегер, на данный момент глава миссии из Старого Ори в Араинд. Да, к сожалению, плавание наше оказалось чуть более беспокойным, чем мы

надеялись, но тем не менее мы не покорились страхам морским и прибыли на священный остров в целостности и сохранности!

«Ну, по крайней мере, здесь ты не сел в лужу. Осилить-таки подобрать слова.»

— Прекрасно! — сухо улыбнулся встречающий рыцарь. — Но уж если говорить о сохранности, то в первую очередь мы переживаем о том, что вы должны были доставить нам.

— О, да, господин... — брат Брегер запнулся.

— Бента, — помог ему рыцарь.

— Да, простите, господин Бента, я немного рассеян после столь непривычного путешествия. Груз наш в целостности внутри этого сундука. Весьма польщён выпавшей мне честью доставить эти артефакты в Цитадель!..

«Тьфу, идиот. Зря похвалил. Немного рассеян он.»

— Сундук — это полдела, брат Брегер. Мы ждали человека... Руннин-тиар — где он? — встречающий рыцарь пробежался глазами по всем прибывшим, оценивающе оглядел самого Роайви и в итоге остановился на стоящем за спиной Брегера островитянине.

— Да, господин Бента. Не знаю, как насчёт его крови, но... — начал было молодой рыцарь.

— Простите, брат Брегер, — Шехи Бента резко прервал речеизлияния посланника и широкими стремительными шагами прошёл ему за спину и поравнялся со Свенном. — А это что за маскарад?

— Где? О чём вы? — Роайви не сразу понял, что же поразило рыцаря.

— Вот это?! — голос Шехи Бенты хлестнул кнутом. — Почему этот человек в цепях?! Это же наш брат!

— Видите ли, это деликатный вопрос... — Роайви Брегер подошёл к рыцарю, состроил извиняющуюся мину и понизил голос. — Этот человек не вполне осознаёт оказанную ему честь, и я смею предположить в нём дурные намерения...

Шехи Бента бесстрастно смерил взглядом оправдывающегося посланника:

— Немедленно избавьте нас от этого позорного зрелища. Этому человеку будет оказана великая честь вне зависимости от того, насколько он это осознаёт. И мало кто из идущих на посвящение в действительности до конца понимает, что происходит. А некоторые, — рыцарь окинул Брегера недвусмысленным взглядом, — видимо, не понимают и после. А этими цепями вы сейчас унижаете самого Уль-Куэло! Снять немедленно!

Загремели ключи, лягнул замок и звякнули звенья цепи.

— Благодарю вас, брат Бента, — растирая запястья, островитянин коротко поклонился.

— Довольно церемоний, — только что звонкий голос рыцаря начал глухнуть и зазвучал будто бы сквозь тяжёлый войлок. — Прошу, следуйте за нами.

Опять прибытие в Араинд складывалось для Брегера не так, как он мечтал. От гордости и осознания важности своей миссии не осталось и следа. «Сохранность артефактов и этот ренегат им важны! А цепи? Назвать „позором“ и „маскарадом“ совершенно необходимые и вынужденные меры! Да он же даже не знает, кого освобождает! Неужели Виежи просто использовал меня как курьера? Наговорил слов о важности миссии, а в итоге просто отослал! Избавился!»

Где-то глубоко под помятыми одеждами Роайви Брегер покрылся потом. Он шагал, сжав челюсти, по деревянному настилу за безмолвной свитой рыцаря, что выглядел живым мертвецом. Чувствовал себя, Роайви, откровенно говоря, маленьким дурачком.

Из вертящихся нервных мыслей его выдернул, как рыбу на воздух, голос за левым плечом:

— Ну что, братец, спустился на землю? Почувствовал, наконец, кто мы для них?

— Катись ты к морскому ежу, Свен! Нет никаких «мы», — Брегер едва заметно оглянулся, ожидая увидеть опостылевший ехидный оскал, но наткнулся на каменное вытянутое лицо островитянина.

— А тебя всё устраивает, да? — Свен не оставлял бесплодных попыток достучаться до разума Роайви (если там есть куда стучать, конечно). — Моя кровь-то, гляди, и то важнее тебя, посвящённый рыцарь с раздутой гордыней. А уж по сравнению с содержимым этого сундука мы с тобой просто пыль под ногами.

Брегер споткнулся. Свен счёл, что ему удалось пробить зашоренность брата. Однако тот быстро взял себя в руки и продолжил шагать, вперив взгляд в сухую, как палка, фигуру рыцаря перед ним.

— А что тебе не нравится? Наёмник с тёмным прошлым строит из себя благородство и невинность?! Заткнись и отстань от меня! — Роайви изо всех сил сдерживал обиду и негодование и проговорил последнюю фразу гораздо громче, чем собирался.

Станный рыцарь прямо перед ним замер, оглянулся и высверлил брата Брегера взглядом насквозь. Острая игла прошла голову, сверкнула молнией в глазах и растворилась так же внезапно, как возникла.

— Будьте внимательны, братья. Впереди неровный камень и лестница.

Свен поднялся взглядом по скале и присвистнул, чем вызвал очередные взгляды осуждения встретивших их рыцарей. Действительно, для них же не было ничего необычного в отвесной скале и вырезанной в ней молниеобразной лестнице с цельнокаменными перилами. Они, вероятно, также каждый день наблюдали вращение гигантского колеса, зависшего над пропастью, дном которой и являлась гавань и обнимающая её пристань.

На полпути к вершине на цепях зависла ладья, с которой на высеченную в скале галерею были перекинута мостки, и мелкие фигуры людей суетились и сновали туда-сюда.

Действительно, ничего необычного. Корабль, зависший посреди пропасти. Совершенно нечему удивляться.

От толчка в спину Свен вернулся в реальность.

— Чего встал. Шагай, давай.

Познать истинную высоту горы можно, лишь поднявшись на неё. Они поднимались по лестнице бесконечно долго. Исходя из этой мысли, Свен решил, что Араинд должен парить где-то в небесах.

Не преодолев и половины пути до парящей ладьи, прибывшие из Старого Ори опустились на скамьи, судя по всему специально размещённые для отдыха. Кому не хватило места, упали прямо на каменный пол. Носильщики медленно и бережно спустили сундук с плеч, также позволив себе передышку. Рыцарь с лицом, словно у мумии, остался стоять, не выказывая не малейшего признака усталости. Ровно как и его молчаливые спутники.

— Господин Бента, прошу прощения, — Роайви Брегер здорово запыхался и говорил с трудом. — Возможно, мой вопрос неуместен... Но разве не проще было бы не подняться на ладье?

— Всё просто, брат Брегер, мы свернём раньше, — иссушённое лицо Шехи Бенты осветило подобие улыбки, и выглядело это довольно жутко. — Господа, поднимайтесь, нам нужно двигаться дальше.

На этот раз голос его звучал, как шёпот сухих листьев.

«Местные, должно быть, привычны к этим лестницам. Хотя, вроде, и в Ори мы вверх-вниз набегались...» — подумалось Свену. Обычно он не жаловался на недостаток сил, но этот подъем оказался труднее, чем островитянин себе его представлял.

Они продолжили путь по коридору, заключённому с трёх сторон в чёрный, потёкший, словно оплавленный, камень. С четвёртой, обращённой к гавани стороны, из пола вырастали каменные перила. А за ними — пропасть с мелкими силуэтами кораблей на лазурной ряби воды. Чем выше, тем сильнее бил снизу вверх колючий и неприветливый ветер.

За очередным поворотом кажущейся бесконечной лестницы их провожатый остановился, но совсем не за тем, чтобы дать другим отдых.

— Ройви Брегер! Вы и ваши спутники последуете с нами дальше наверх. Вас и привезённые вами артефакты там очень ждут. Руннин-тиар же мы передадим здесь другим братьям.

За спиной Шехи Бенты зияла чёрная дыра прохода в скале. Тяжёлая блестящая дверь была открыта, подпёрта камнем, и здесь ветер с силой врвался в коридор, завывая и образуя сумасшедший сквозняк. Неприятное и негостеприимное, это место вызывало суеверный ужас. Свен, как мог, отмахивался от накативших нехороших мыслей и предчувствий.

Двое молчаливых спутников высохшего рыцаря как по команде стали по сторонам от Свена. Остальные же, влекомые властной фигурой, побрели дальше. Прежде, чем скрыться за очередным поворотом, Ройви Брегер оглянулся и несколько ударов сердца смотрел на остро-вятинина. И чего было больше в этом взгляде — торжества или ужаса, Свен так и не понял.

Его увлекли в чрево скалы.

После ослепительного солнца коридор стал средоточием тьмы. В воздухе висела сырость, узкое пространство казалось мутным. Свен шёл след в след за своим провожатым на звук, будто бы враз ослепнув. Близко, прямо за спиной он слышал дыхание второго молчаливого светлячка.

— Здесь направо, — идущий спереди впервые подал голос и вновь умолк.

За крутым поворотом коридор уже слабо освещался микроскопическими, встроенными прямо в стену фонариками. Проходя мимо очередного источника света, Свен зацепился взглядом за тщательно обработанный кристалл орика.

Мелкие светящиеся зёрнышки, обрамлённые металлом, хаотично распределили по стенам и потолку, и, если смотреть на них сквозь полуприкрытые веки, они становились похожи на звёздное небо.

«Тюк-тюк-тюк», — по коридору эхом прозвенел тоненький стук. Потом он повторился вновь, уже ближе. Коридор изгибался, и за очередным его поворотом стало ещё светлее. «Тюк-тюк-тюк», — металл выбивал отверстие в стене коридора, и камень стонал под его напором. Послушник ордена помещал один за другим светильники в готовые отверстия, в то время как другой тем временем готовил следующие.

От работавших в темноте и духоте послушников едко пахло потом, когда Свен с провожатыми протискивались мимо. Под ногами противно захрустели каменные осколки.

Отойдя на несколько шагов, Свен оглянулся — посмотреть ещё раз на людей, работающих во тьме в толще камня. В глаза бросились прижатые к стене ящики с готовыми светильниками. Что это: ирония или злая шутка? Свен представил, как одна люто ненавидящая орден девочка на том конце морского пути ночь за ночью обдирает колени, добывая эти светящиеся кристаллы.

«А ведь может статься, что этот орик когда-то отобрала Ибис собственными руками. Возможно, когда-то её пальцы касались именно этих кристаллов.»

Свен дотронулся до одного, и прикосновение к источающему свет минералу на удивление придало ему сил. Он выберется отсюда и вернётся в Старый Ори, чтобы всё исправить и помочь Ибис.

Коридор вильнул влево, и стук молотков растворился в сумеречном пространстве. Равномерный подъём коридора сменился лестницей, о начале которой также заботливо предупре-

дил провожатый. Ступени привели в помещение, над которым довлела глубоко утопленная в камень массивная дверь. От одного взгляда на неё Свену стало тяжело.

Здесь провожатые остановились, вежливо поинтересовались, нет ли у господина рыцаря при себе оружия или каких-либо ещё предметов. Поскольку карманы господина рыцаря были девственно пусты, проволочек не возникло. Один из *светлячков* дёрнул металлический рычаг в дверном косяке, если конечно так можно назвать кусок скалы, в который была вделана дверь. Ничего не произошло, а рычаг вернулся в исходное положение. *Светлячок* повторил действие.

Свен смотрел, как медленно возвращается на место металлический штырь с деревянной ручкой и прикидывал, что же они будут делать, если механизм так и не сработает.

— Нас, верно не слышат, — будто бы в ответ на его мысли произнёс тот, что всё время шёл сзади.

— Если не откроют с третьего раза, кому-то явно не поздоровится... — первый снова дёрнул рычаг.

Спустя несколько секунд Свен услышал звучащий из ниоткуда искажённый металлом голос:

— Кто хочет войти?

Звучало так, что можно было подумать, что с ними говорит старое металлическое ведро.

— Здесь тот, кого с нетерпением ожидает господин Гильерн Брасс, — громко ответил провожатый, для которого, очевидно, ничего необычного сейчас не происходило.

Тут же защёлкал запирающий механизм, и дверь медленно, со вздохами и стонами, подрагивая, поползла в сторону, нехотя прячась в скале.

«И к чему такое на выходе из узенького коридора?..» — подумалось островитянину. Он много видел запорных механизмов, подъёмных мостов, крепостных врат, обитых металлом, но подобного — никогда. Эта «дверь» больше подходила бы великанам и выглядела совершенно несоразмерной и ужасно непрактичной.

Дверь скрылась в скале примерно на пятую часть, освободив проход для человека. Внутри протиснулось четверо вооружённых солдат-светлячков, они обступили Свена и заняли место его провожатых.

«Сколько чести! Кругом вооружённый эскорт. Этак и возгордиться можно.»

* * *

С высоты башни своего старого учителя и друга Гильерн Брасс, теперь уже старший лаборант первого звена ордена с нетерпением оглядывал путь, по которому ему должны были доставить такой драгоценный материал.

Он заметно нервничал, топтался перед забраным решёткой окном, и то и дело вытирал вспотевшие ладони о полы одежды. Несколько раз он подходил к столу, вороша стопки каких-то рукописей, но, очевидно, боясь пропустить момент, чуть не вприпрыжку возвращался обратно к окну.

Быстрым шагом островитянин и его сопровождающие пересекли залитый солнцем двор с фонтаном и фруктовыми деревьями, в который они попали, миновав чудовищную дверь. Теперь перед глазами мелькали внутренние помещения, отдалённо напоминающие замок ордена в Старом Ори.

Молчаливые, бряцающие оружием солдаты вывели Свена на открытую галерею, возвышающуюся над благоухающими садами в окружении каменных стен. Откуда-то слышалось журчание воды. Галерея с арочными стенами поднималась выше, всё больше становясь похожей на длинный зависший над замком мост. Островитянин, не стесняясь, вертел головой, изображая любопытство. Он старался запомнить местность и нарисовать в голове мысленную карту,

заранее примериваясь к побегу. Как ни крути, а ведь Роайви был прав, не разрешая снимать со Свена цепи. Как только они перестали сковывать островитянина, он всерьёз начал искать путь на свободу.

Галерея упёрлась в массивную квадратную башню на углу Цитадели. Перед входом ожидал уже известный по пристани рыцарь, высохший до состояния мумии. Видать, он успел где-то оставить Брегера и прийти сюда.

Свен никак не мог взять в толк, как настолько плохо выглядящий человек мог так хорошо и быстро двигаться?

Шехи Бента с несколько преувеличенным почтением кивнул Свену и первым вошёл внутрь. Островитянин шагнул следом, миновал двойные двери и столкнулся нос к носу с незнакомым и крайне дёрганым человеком.

— Ах, это вы? Я очень рад! Проходите-проходите, пожалуйста, не стесняйтесь. Я вас очень, о-очень жаждался! — засуетился он.

Свен краем глаза отметил, что двое солдат-светлячков вошли следом и стали перед дверью.

«Всё-таки они хорошо понимают, что по своей воле я бы сюда не пришёл. И не дают никакой возможности свернуть с пути.»

Островитянин недоверчиво осмотрел комнату, занимающую весь этаж башни. Вдоль двух стен от пола до потолка тянулись стеллажи с книгами и какими-то образцами в рамках. Письменный стол посреди комнаты завален рукописями и книгами. Вдоль противоположной от входа стены на длинной отполированной поверхности расположились банки, колбы, ящики и бурлила какая-то мутная дрянь в котле на отдельно стоящей металлической печке. Часть помещения отгорожена ширмой.

Торжественными церемониями и не пахнет.

— Что это за место и кто вы такой? — спросил Свен.

— Я — Гильерн Брасс, а это лаборатория... — начал было суетливо нервный человек, но съёжился под взглядом замершего в углу Шехи Бенты. — Здесь вопросы задаю я!

Серьёзности в голосе его было ровно столько, сколько её у икающей курицы.

— Сдаётся мне, я тоже имею право на некоторые ответы. Я прибыл сюда на церемонию посвящения Уль-Куэло, а не в лабораторию. Извольте объяснить! — с последними словами Свен обернулся к Шехи Бенте, обращаясь больше к нему, чем к явно пасующему перед рыцарем человечку.

Шехи Бента беззвучно, как тень, отделился от стены.

— И я охотно вам всё объясню, если вы изволите успокоиться и присесть.

Его голос шелестел, как пепел от сгоревшего пергамента. Свен окинул взглядом комнату ещё раз: единственное окно зарешёчено, перед дверью двое вооружённых солдат-светлячков. Скорее всего, снаружи ждут ещё двое. С того момента, как Доран Виежи произнёс слова о посвящении, Стилвигену ни разу не предоставилось возможности сбежать. Он сделал несколько тяжёлых шагов до кресла, стоящего напротив заваленного бумагами стола. Двое солдат тут же переместились к нему за спину. Гильерн Брасс устроился напротив, едва видимый за горой рукописей.

— Господин Стилвиген, вы действительно пройдёте церемонию посвящения Уль-Куэло, невзирая на обвинения вашего бывшего брата-напарника в ренегатстве и нарушении обетов.

Шехи Бента выдержал паузу, но Свен никак не отреагировал на его слова. Его лицо стало каменной маской.

— Вы должны знать, что наш орден — это не сборище поклонников какого-либо местного духа, а братство, посвящённое последнему богу, живущему среди нас. И если мы говорим о посвящении, то мы говорим не о бессмысленном повторении определённых действий, а о настоящих вещах.

— Я основы знаю, можете не утруждаться и не пересказывать мне книги, которые читал каждый послушник.

— На вашем месте я бы не перебивал, — Шехи Бента проскрежетал, как ржавая петля.

— Я весь внимание, — взгляд островитянина стал колючим, как металлическая заноза.

— Во время посвящения мы должны совместить не только ваш дух с духом кьяалди, а через него и с другими посвящёнными, но и вашу кровь. Разные люди нашего мира имеют различную кровь. Кровь мальвар легко входит в резонанс с Уль-Куэло, а какая-то отказывается вообще вступить в контакт. Так случилось, господин Стивльвиген, что вы принадлежите ко второй группе. Поэтому, прежде чем вы пройдёте церемонию, нам необходимо понять, как это сделать и возможно ли это вообще. Именно поэтому вы здесь, в лаборатории, и остаётесь под началом старшего лаборанта Гильерна Брасса. Но, учитывая обвинения в ваш адрес и тот факт, что вы прибыли сюда в кандалах и не выказывали рвения посвятить свою жизнь, душу и мысли нашему богу, я оставляю здесь в помощь лаборанту сопровождавших вас солдат. Надеюсь, они избавят вас от глупых мыслей. Из Цитадели Араинда не сбежать, господин Стивльвиген.

Свен молчал. Говорить было нечего. Будущее виделось в довольно мрачном свете, но от своих планов островитянин отказываться не собирался.

Голос лаборанта, — ах, да! — *старшего* лаборанта выдернул Свена из мрачных мыслей:

— Мне необходим образец вашей крови для дальнейших исследований, — робко начал Гильерн Брасс, когда дверь закрылась за Шехи Бентой.

— А мне необходимо поест. Если вы хотите, чтобы вам было, что исследовать.

Сейчас, когда Шехи Бента, ушёл, Свен твёрдо вознамерился спустить всю свою злость на несчастного трясущегося лаборанта. Им овладело дурное настроение, напомнившее о времени его «подвигов» на родине. В обычной ситуации он бы осадил себя, но сейчас позволил себе вести себя отвратительно.

— О, еду вам несомненно доставят, но образец крови нужен именно сейчас: как раз крайне желательно, чтобы исследуемый был голоден.

Островитянин закатил глаза.

— Тогда уже забирайте этот треклятый образец и оставьте меня в покое.

— Будьте добры переместиться вместе с креслом поближе к оборудованию, господин Стеллвен.

— Стивльвиген! — рявкнул Свен, вскакивая со стула.

Лаборант съёжился над колбами, а солдаты в то же мгновение оказались наготове по обе стороны от островитянина. Свен же ждал, сложив руки на груди.

— Нужно, чтобы вы сели здесь, — лаборант указал на пол рядом с собой.

— Там некуда.

Один из солдат со вздохом передвинул кресло. Свен, прекрасно осознавая, что ведёт себя, как кретин, и понимая, насколько ничтожны его попытки насолить лаборанту и охранникам, тяжело плюхнулся в кресло. Он ничего не успел ни понять, ни сделать. Он даже не заметил, как двое охранников оказались рядом и крепко прижали его к креслу.

— Скоты! — Свен рванулся, но слишком поздно: одновременно обе руки в запястьях и плечах оказались пристёгнуты к подлокотникам.

Лаборант переменялся в мгновение ока: из нервного маленького существа он враз превратился во вполне уверенного в себе человека.

— И ещё один ремень закрепите на поясе. Также, предполагаю, что он собирается лягаться: по глазам вижу. — Брасс проследил за действиями солдат-светлячков и добавил: — А ведь мы с вами, Свен, могли бы всё сделать по-хорошему. Но, видимо, это у вас в крови. Ничего не поделаешь. В первых моих исследованиях кровь руннин-тиар вела себя столь же непокорно и отказывалась вступать в симбиоз с образцами, предоставленными Уль-Куэло. Поэтому сейчас нам с вами придётся серьёзно поработать.

Гильерн Брасс под испепеляющим взглядом Свена закатал рукав его рубашки и потянулся за какими-то иголками...

Свен с трудом разлепил глаза, залитые какой-то мутной жижей. Где он находится и что происходит, он не понимал. Островитянин вообще не мог заставить ржавые шестерёнки в мозгу сдвинуться и начать что-то осознавать.

Перед взором посреди тёмной картинке плясал и дёргался некий белый квадрат. Островитянин попытался подняться, но тело не слушалось, все мышцы разом стали подобны желе, словно подтаявшие на солнце медузы. Когда Свену всё-таки удалось сесть, изо рта вырвался хриплый вздох.

Он уставился в одну точку, не находя ни единой внятной мысли в пустой и отупевшей голове.

«Что происходит? Где я нахожусь? А что было вчера? Где я умудрился так надраться?»

Время и пространство потеряли свой смысл. Спустя неопределённую вечность (или мгновение?) островитянин встал, со скрипом разогнув непослушные колени и, всё так же глядя в никуда, пошатываясь, двинулся в сторону издевательски скачущего светлого квадрата.

Невозможно было определить, сколько длились эти пять шагов сквозь густой и вязкий воздух — минуту? сутки? Где-то по бокам плясали, переливаясь, какие-то размытые тени, дёргались, перепрыгивали друг через друга, кружились. Свен не смог разглядеть ни одну — они ловко прятались у него за спиной всякий раз, когда уже почти удавалось поймать их взглядом. Он встряхнул головой и тени разлетелись в стороны, как осколки разбитого стекла.

Белый квадрат неожиданно стал окном, и даже соизволил перестать дёргаться и пытаться сбежать из поля зрения. Он наконец перестал ослеплять белизной и превратился в ярко-синий, и взгляд Свена зацепился за что-то, подрагивающее далеко впереди и внизу.

Что-то чистое, белое, вымытое, посреди той мути, в которой он оказался.

...Парус!

Корабль...

И тут одна за другой замелькали перед внутренним взором картины прошедших дней, покатались камнем с горы, всё набирая скорость: извилистый спуск к набережной Старого Ори, мелькнувшее в недружелюбной толпе знакомое лицо, летящие стрелы, капитан Бранд, каморка под палубой, чёрный коридор в сердце Цитадели...

Лаборант с его иглами и препаратами.

Мозаика наконец сложилась. Он всё вспомнил.

Точнее всё, что было до того, как услужливые солдаты-светлячки надёжно закрепили его в кресле Гильерна Брасса. Оказывается, он даже помнил имя этого нервного ублюдка.

Как можно было вот так дать обвести себя вокруг пальца? Идиот!

Бежать отсюда, как можно скорее!

Свен оттолкнулся от подоконника, в два прыжка оказался у двери, рванул тяжёлое дубовое полотно... — но только в мыслях. На деле же его желеобразное тело медленно отлепилось от окна и сделало один шаркающий старческий шаг.

Да что за чертовщина?!

Но дверь открылась сама, и в неё вошёл кто-то очень знакомый. Свен вновь встряхнул головой, отгоняя наползающие исподтишка тени. Сознание чуть прояснилось, и ему удалось узнать вошедшего.

— Здорово, Брегер! — язык-то, оказывается, тоже превратился в медузу, распух, прилип к нёбу и отяжелел.

Прозвучало действительно так, словно он пил несколько дней подряд, не просыхая.

«Дерьмо! Неужто лаборант накачал меня каким-то дешёвым пойлом?»

Роайви Брегер плотно закрыл за собой дверь, опустил задвижку.

— Здравствуй, Свен. Я вижу, ты готов пройти посвящение.

«Чёрта с два!» — островитянин был уверен, что сказал именно это, но с ужасом услышал собственный голос:

— *Конечно.*

«Да чтоб вас морской дьявол разодрал всех! Ублюдки!»

— *Я буду счастлив посвятить свою жизнь, душу и мысли нашему богу, великому Уль-Куэло.*

«Да что происходит?»

Свен отлично слышал и узнавал собственный голос, разве что интонации были какими-то натянутыми, неестественными.

Брат Брегер довольно улыбнулся.

— Это прекрасно, Стилвиген. Но я должен убедиться, что последующая церемония пройдёт без неприятных неожиданностей, которые ты мастер устраивать.

«Пошёл к чёрту!» — закричал изо всех сил Свен, но губы даже не разомкнулись.

— Я должен убедиться, что ты будешь покорен и не станешь сопротивляться. Что ты никому не причинишь вред.

«Я убью тебя, тварь!»

— *Конечно, брат Брегер, я буду следовать правилам.*

— В таком случае, Свен, сделай мне одолжение... — молодой рыцарь сделал паузу, смакуя момент. — Полы в Цитадели довольно пыльные, и я изрядно запачкал свои новые сапоги...

«Да никогда в жизни, мерзкий ты слизняк!» — островитянин кричал и кричал до хрипоты, но не так и не смог победить вырывающиеся из его собственного рта отвратительные слова:

— *Конечно, брат Брегер.*

Свен с ужасом осознал, что опускается на колени и тянется непослушными, словно чужими руками к запылённой обуви бывшего младшего брата... А перед глазами торжествующе носились из угла в угол тени.

— Какие же всё-таки чудеса творит «сыворотка покорности» Гильерна Брасса!

Роайви Брегер запрокинул голову и раскатисто захохотал.

3 Глава

Из всего пути к Чертогам посвящения Свен запомнил только больно быющее по глазам размеренно повторяющееся мелькание света и тени, когда он шёл сквозь колоннаду. Порой, когда ему удавалось спугнуть любопытные, лезущие в поле зрения тени, он вроде бы замечал, что одет в странную белую одежду до самого пола. Он не помнил, когда и как он её надевал, и почему-то всё равно ощущал себя совершенно голым.

Почти все события этого утра выпали из его памяти навсегда. Он никогда не вспомнит, как после множественных омовений и облачения в исключительно белое его, наконец, накормили какой-то безвкусной пищей. Как затем всё тот же Шехи Бента, выглядевший ещё более истощённым, чем раньше, объявил, что время пришло. Четверо обступивших его солдат-*светлячков* и то, как в их сопровождении он двинулся по лестницам и коридорам к Обители Уль-Куэло, тоже выветрилось из его одурманенной головы.

Вся эта нарочитая молчаливость и надуманная серьёзность только создавала бы у островитянина ощущение того самого мелкого культа, в отсутствии которого ещё вчера убеждал его Шехи Бента, вспомни из этого Свен хоть что-либо.

Солнце жалило немилосердно, его горячие лучи отражались от окружающего белого камня и заполняли всё вокруг. По лицам выстроившихся вдоль аллеи рыцарей обильно стекал пот, а редких дуновений ветерка едва хватало на то, чтобы еле-еле шевелить полы тяжёлых плащей.

Не дойдя нескольких шагов до Большого торжественного зала, Свен собрал остатки своей воли в кулак, тряхнул головой, радуясь мимолётному освобождению от настырных теней. Но на их место тут же пришло до омерзения знакомое тошнотворное чувство на корне языка. Островитянин покатал мгновенье это ощущение во рту, густо сплюнул под ноги и автоматически продолжил медленно идти дальше.

Его остановили и развернули за плечо, кто-то из сопровождающих его рыцарей что-то говорил ему, спрашивал, но слова проносились мимо ушей и исчезали где-то за спиной. Свен даже украдкой оглянулся посмотреть, куда они так спешат, но наткнулся только на осторожно выползающую откуда-то из-за грани видимого тень. Та от неожиданности замерла на мгновение и рванула обратно, спряталась.

Кто-то снова дёрнул Стивльвигена за плечо. Островитянин смотрел перед собой на лицо человека, который ему что-то эмоционально говорил, но Свен только с любопытством отметил, как у того открывается рот и растягиваются губы, принимая разнообразные формы.

В конце концов его оставили в покое и позволили пересечь порог и войти в Большой торжественный зал. Свену показалось, что колонны, от которых у него так рябило в глазах на улице, вошли вместе с ним: внутри они словно выросли из каменного пола и скрывались в неведомой тьме под потолком.

Молчаливые рыцари-*светлячки* в парадной одежде выстроились, застыв, вдоль колоннады и провожали бесстрастными взглядами скромную процессию, ведущую очередного брата на церемонию Посвящения.

После нестерпимо жаркой сковородки каменных дворов замка Большой торжественный зал Цитадели показался глотком свежего воздуха и обителью богов прохлады, а отнюдь не загадочного Уль-Куэло, сошедшего со звёзд.

Сюда свет проникал лишь сквозь забранные стеклом небольшие отверстия в высоченном потолке и спускался широкими яркими желтовато-белыми лучами. Если бы Свен владел своим телом и был в состоянии сфокусировать взгляд, он бы разглядел пылинки, непрерывно кружащие в этих конусах света.

Зал был пуст.

Ниши и отверстия в стенах сиротливо зияли, всем своим видом умоляя вспомнить о них, заглянуть в их тёмные провалы, наполнить прекрасными статуями, светильниками и фонтанами.

Но люди прошли мимо.

Не алтарь и не статуя, а небольшой, размером с одноэтажный домик, параллелепипед занимал центральную часть зала. Он стоял здесь уверенно и прочно, так, словно он был здесь всегда. Ну уж точно до того, как вокруг него выстроили и город, и Цитадель, и сам Большой торжественный зал. Но тем не менее это строение само по себе источало ощущение чуждости и неестественности. Являясь частью скалы, которой и был остров Араинд, оно очевидно виделось здесь лишним — Сердце Цитадели, Чертоги посвящения, Обитель Уль-Куэло.

«Как на казнь», — неожиданно яркая и оформившаяся мысль пронеслась в голове у Свена, и, кажется, она даже действительно полностью принадлежала ему.

«Сколько братьев здесь уже провели до меня? Сколько ещё лишат их свободы после?»

Прямо напротив входа в Большой торжественный зал гладко отполированные стены Обители Уль-Куэло прерывались грубо оправленным порталом. Свен поискал взглядом дверь или хоть что-то, указывающее на её наличие, но так не заметил ни малейшего признака того, что здесь можно попасть внутрь.

— Здесь мы оставим тебя, брат Свен Стивльвиген. Дверь откроется сама, но когда, я не знаю. Однажды наш брат прождал перед ней сутки, прежде чем Уль-Куэло принял его, — шёпот Шехи Бенты звучал как клубок пыли, перекатившийся по каменному полу.

Свен только кивнул — насколько это движение принадлежало его воле, северянин не успел разобраться. Он, конечно, подождёт, пока рыцарь и солдаты покинут зал, а затем сам попытается найти другой выход. И чёрта с два он войдёт в этот каменный гроб. Если, конечно, удастся вернуть себе себя...

Стивльвиген стоял и слушал, как удаляются и стихают за спиной звуки шагов Шехи Бенты и остальных. Наконец до него донеслось гулкое эхо захлопнувшихся дверей Большого торжественного зала. Свен остался один, с трудом огляделся. Он пытался действовать быстро, но все усилия поскорее выбраться отсюда оказались тщетны. Тело продолжало не повиноваться, текло, как приторное ягодное желе, и изо всех сил сопротивлялось: он буквально прилип к полу перед гранитным монолитом.

А затем прямо перед ним часть стены поехала внутрь — медленно, почти незаметно. Изнутри, из открывшегося тёмного пространства пахнуло свежим прохладным ветром и морем.

«Входи,» — прогудело что-то глубоко в голове.

«Нет-нет-нет, мне это совершенно не нужно. И я этого не хочу.»

«Я не спрашиваю!»

Вихрь поднялся в проходе, завертелся и рванул, увлекая с собой Свена вглубь, вниз по открывшимся взору ступеням.

Когда неестественный ветер улёгся, — а откуда бы ему вообще здесь взяться? — островитянин обнаружил себя, сидящим в деревянном кресле посреди небольшой комнаты. Уютной её можно было бы назвать исключительно в горячечном бреду. Пустые алебастровые стены источали слабый тёплый свет, пропускавая его откуда-то извне. Пол напротив кресла поднимался несколькими крупными ступенями и упирался в стену воды. От вида непрерывно текущих и рябящих струй Свена вновь замутило. Он пытался отвести взгляд, но тело словно окаменело, и рыцарь сидел, не в силах моргнуть, до тех пор, пока эта вода не обрела силуэт — высокий, тонкий и, кажется, вполне человеческий.

— Здравствуй, Свен, — произнёс силуэт обычным голосом, даже чуть сдавленным и осипшим.

Мужским был голос или женским? Стивльвиген не уловил.

— Никогда прежде я не вступал в контакт ни с кем твоего племени. Мне очень интересна и нужна встреча с тобой, что бы ты об этом ни думал.

Силуэт вынырнул из водной преграды. Островитянин силился разглядеть, но никак не мог поймать его взглядом, всё время проскальзывая мимо и насквозь.

Силуэт вроде бы приблизился, но легче не стало. К горлу снова подступила тошнота.

— Я не вижу тебя. Никак не могу увидеть.

Свен ожидал, что, как раньше сегодня, его слова прозвучат лишь в голове, обернувшись вслух какой-нибудь льстивой дрянью, но нет. Он произнёс ровно то, что хотел.

— Конечно не можешь.

— Почему? Потому что ты — Уль-Куэло? — Свен старался говорить как можно более непринуждённо и равнодушно, раз уж он тут против своей воли, но в том, как прозвучал вопрос, всё равно послышались нотки благоговения.

— Ха-ха-ха... Да, это — моё имя, — древний бог смеялся так по-человечески, так знакомо. — Ты не видишь меня, потому что я отвожу твой взгляд. Мало кто знает, как я выгляжу. Мало кто видел. Только лишь Литке, маленький очарованный мальчик и...

— Литке? — встрял Свен, и на этот раз скепсис в голосе островитянина прорезался в достаточной мере. — Тот самый святой Литке?

— Именно. Хватит болтать, Свен. Будь добр, выпей содержимое кубка до последней капли, и формальности будут соблюдены.

— Какого... — начал было островитянин, но неожиданно обнаружил в своих пальцах тончайший мраморный кубок.

— Этого самого, — голос Уль-Куэло дрогнул, будто бы тот усмехнулся. Но может ли кьяалди, самое древнее существо в этом мире, вот так просто... усмехнуться?

Свен сжал тончайшие грани кубка в пальцах — небольшого усилия оказалось достаточно, чтобы он раскололся и осыпался, разлив тёмную жидкость на прекрасный алебастровый пол... Но только в мыслях.

Своя, но будто чужая, рука изящно сжала тонкую витую ножку кубка и поднесла к губам — гранат и мёд, роза и миндаль... И что-то ещё, знакомое и неуловимое. Свен выпил всё до последней капли.

— Ну что ж, на некоторое время границы между твоим и моим разумом стёрты, и я смогу залезть тебе в голову, — обычные человеческие, тёплые и слегка шершавые пальцы сдавили виски, и молния пронзила сознание.

Когда перед глазами перестали летать разноцветные искры, островитянин открыл глаза — перед ним, всего в двух шагах, стояла Ибис Марена. Когда Свен приподнялся со своего кресла, она улыбнулась так ясно и искренне, что он почти поверил. Почти.

— Это не ты, — Стивльвиген рухнул обратно в кресло.

Сейчас вдруг он осознал, насколько устал от этой зыбкой реальности, пленившей и захватившей его с момента первого шага на земле Араинда.

— Очень неверно сказано! Фактически я — это я, — и голос был, ровно, как у Марены. Что за дрянное наваждение? У этого бога явно дурное чувство юмора.

— Но ты не она. Зачем? — в голосе островитянина неприкрыто сквозили скука и отчуждение.

— Я решил, что тебе так будет проще, — Уль-Куэло уже не пытался говорить, как настоящая владелица этого тела, голос снова слегка огрубел и осип, но тем не менее оставался голосом Ибис. — Обычно, заглянув в очередной разум, я выбираю наиболее яркую и приятную картинку. Однажды, ты не поверишь, я даже предстал в виде огромного лохматого пса!

— Зачем всё это? Именно это зовётся «Церемонией посвящения Уль-Куэло»? Вот этот пустопорожний трёп? Ради этого в меня влили какую-то дрянь, под названием «сыворотка покорности»?

— О, как вижу, это чудо-изобретение Гильерна Брасса уже начинает выветриваться, раз ты позволяешь себе так разговаривать с последним из богов.

Выветривается? Свен хмыкнул. Осторожно повертел головой, проверяя, будут ли всё ещё плясать самодовольные тени? А те и вправду пропали. А вот от не-Ибис его мутило похлеще, чем от всех прочих эффектов.

— Кто бы ты ни был, тебе же под силу сменить облик? Это невыносимо. Не могу видеть её настоящую, подменыша.

— Хм, почему бы и нет, — не-Ибис совсем нехарактерным для неё движением потёрла подбородок. — Так и быть.

Черты зеленоглазой стройной девушки стали расплываться, терять очертания, мутнеть... И вдруг собрались обратно, став совершенно иным, но тоже некогда близким Свену человеком.

— Вотар, — болезненно поморщился островитянин. — Ну, конечно, стоило догадаться.

— Я тоже не приношу тебе радости? — не-Вотар усмехнулся в вислые усы цвета небелёного льна. — Скажи мне, Свен, а есть хоть один образ в твоей голове, который не приносит тебе страданий и мук совести? Скажи-ка мне.

Свен отвернулся, глядя на блики света в стакане из-под таинственного напитка.

— Нет, правда, — не-Вотар никак не хотел угомониться и вёл беседу с дотошностью, слишком близкой настоящему Вотару, ушедшему своей дорогой где-то там на равнинах Ввольных городов. — Скажи, кто? Мать, отец, сестры с братьями? Хунарис, Кромм, Шайлен, Халла или может быть Сирена? Нет? Кажется, даже это чудесное полупрозрачное создание, что обратилось к тебе за своеобразной помощью ещё там, на Асхе...

— Пошёл прочь из моей головы! Прекрати! — сорвался на крик Свен.

Это препарирование собственных воспоминаний было невыносимо, и каждое имя оставляло кровоточащий порез в душе.

— Нет никакого смысла кричать на меня, Стивльиген. Это твоя жизнь. Ты её в это превратил. Ты сам совершал раз за разом поступки, которые теперь так болезненно отзываются на каждое из имён. Так бездарно болтаться перекасти-полем столько лет! И это с твоей-то кровью! — с отвратительным отеческим сожалением воскликнул не-Вотар.

Таких интонаций за настоящим Вотаром Урмалем Свен не припоминал.

«Но что там он сказал по поводу моей крови?»

— А что с ней?

— С кровью? — уточнил не-Вотар.

— Ну, да. Не я её упомянул. «С твоей-то кровью,» — ты сказал.

— О, твоя кровь. Она удивительной чистоты. За столько лет, а их я тут провёл немало, я впервые вижу чистейшую кровь руннин-тиар без малейших примесей иных родов. Она настолько идеальна, что, как ни странно, по своим свойствам практически идентична... моей. Кое-где сказали бы *амба*.

Не-Вотар выдержал эффектную паузу, чего в жизни, конечно, никогда не делал.

— И что с того? Здесь нет ничего удивительного. Моя семья живёт на Асхе столько, сколько хватает памяти вглубь поколений, — процедил Свен.

Он был разочарован.

«Тоже мне. Чистая морская кровь. Приезжай на Асхе — там каждый второй такой.»

— Это вряд ли, — ответил на его мысли не-Вотар, как ни в чём не бывало. — В общем, главное открытие, которое совершил наш достопочтенный Гильерн Брасс, состоит в том, что твоя кровь соединяется с кровью братьев-мальвар так же, как и моя. То есть, когда я отправ-

люсь домой, ты или кто-то из твоего племени (хотя зачем далеко ходить) сможете заменить меня здесь...

Не-Вотару пришлось замолкнуть на время, чтобы дать Свену возможность осознать сказанное, и когда он увидел тень понимания в бесцветных глазах островитянина, то продолжил:

— Не на троне, само собой, а в мыслях, — улыбка у не-Вотара вышла совсем уж кривая и не похожая на то, как улыбался партнёр по наёмничьим делам. — Кто-то должен стать центральным узлом, связывающим их всех, переходным звеном между подчинением мыслей мне и самостоятельностью. Уверен, что вечной службой можно поддерживать жизнь в человеческом теле почти сколько угодно, как и мою.

— А меня вообще кто-то спросил, надо ли оно мне?! — отрезал Свен.

Он слегка наклонился, подался вперёд в своём кресле и взглядом прищуренных глаз прорезал фальшивый образ напротив.

— Наглец, — буркнул лже-Вотар. — Мне не нравится, как ты разговариваешь с партнёром. Пожалуй, вернёмся к тому, с чего начали.

Коренастая мужская фигура подёрнулась лёгкой рябью, помутнела и ужалась до размеров стройной девушки.

Уль-Куэло щёлкнул тонкими пальцами Ибис Марены, и перед ним материализовалось такое же кресло, как и то, в котором сидел Свен. Девушка изящно опустился в него, поджав одну ножку.

— Слушай, — не-Ибис слегка наклонила голову к правому плечу, ровно как настоящая, — а тебя вообще не беспокоит то, что сейчас находишься перед лицом самого могущественного существа в мире? И что я могу сделать с тобой, всё, что пожелаю?

— Да это могущественное существо, как я посмотрю, боится показать собственное лицо, скрываясь за маской милой девушки, — оборвал его (её?) Свен. — В последний раз при мне творила подобное неуспокоенная душа погребённой заживо женщины. Неужели это уровень последнего из богов, мудрого кьяалди?

Стильвиген нарочито сделал ударение на последних словах, издевательски подчёркивая их значимость.

— Думаю, эта *милая девушка* уже бы отвесила тебе звонкую пощёчину, попробуй ты общаться с ней подобным образом, да? — усмехнулся Уль-Куэло одними губам, губами Ибис.

— Вероятно. Но ты — не она, — вызова в голосе островитянина становилось всё больше.

Он перестал прожигать взглядом силуэт напротив и откинулся на неудобную жёсткую спинку деревянного кресла, закинул одну ногу на другую и начал раздражающе подёргивать носком.

— Ага. И её ты уважаешь значительно больше меня, как я вижу. Но я не в обиде. «Обижаться? Вот ещё. На дураков не обижаются. На дурочек. Хоть ты дурочка и везучая,» — Уль-Куэло звонко расхохотался голосом Ибис. — Вы, люди, такие предсказуемые!

Холодок пробежал по спине Свена. Ведь это его собственные слова, обращённые к Ибис в день их встречи. Тогда они пили вино в его шатре, а потом...

— Я скажу тебе, зачем ты здесь, — прервал поток мыслей островитянина Уль-Куэло, как будто знал, куда он заведёт, и в голосе бога звенел металл всех недр земных. — Сейчас уже я могу сказать, что эксперимент по укрощению вашей крови удался. Вы — жители Пепельных островов, Старого Ори и прочего солёного побережья — руннин-тиар, остатки другой расы. Вы носите в себе крупницы моих врагов амбальгован. Вас нужно покорить, и объединить, наконец, это мир! Тысячу лет назад наша война уже чуть было не разрушила его до основания, и теперь я ищу другие способы.

Свен молчал. Безумным казалось слышать о том, что амбальговане — враги, из уст Ибис Марены.

Уль-Куэло тем временем продолжил.

— Когда мы пришли в ваш мир, «сошли со звёзд», как утверждают ваши хроники, мы увидели землю, разделённую, как лоскутное одеяло, где каждый фрагмент воюет со всеми соседними сразу. Ваши предки погрязли в склоках и беспрерывно топили друг друга. Какое-то время мы наблюдали, пытались понять, что происходит в ваших головах, зачем вы разрушаете построенное соседом вместо того, чтобы сосредоточиться на возведении своего? Какой в этом смысл? Куда вас это приведёт?

Не-Ибис замолчала, пока Уль-Куэло переводил дух.

— И как, нашлись ответы? — Свен более или менее догадывался, куда клонит последний из богов, но этот вопрос сам собой ложился в образовавшуюся паузу.

— А как ты думаешь? Да, на осознание того, что это не какой-то хитрый план, не особая стратегия развития, ушло не одно столетие, но в конце концов мудрые кьяалди осознали — это просто возня. Вам ничего не нужно. Вы никуда не стремитесь. Вы не развиваетесь. У вас нет этой потребности. Тот факт, что у твоих в том числе предков уже было что-то на подобие цивилизации, сказал нам лишь о том, что над вами уже кто-то хорошо поработал.

— Ага, и вместо того, чтобы убраться с этой никчёмной земли, занятой мелкой и бессмысленной вознёй, «мудрые кьяалди» решили тоже поработать. Внести свою лепту, так сказать, да? Из каких таких благих намерений вы испачкали свои божественные ступни в нашей брэнной грязи?

Уль-Куэло весело улыбался губами Ибис, слушая эту язвительную тираду.

— Мне нравится, как ты реагируешь, — ответил он. — Я понимаю, тебе обидно слышать такое про своих предков. Уверен, ты примерил мои слова и на себя, и тебе не понравилось. Ха! А причина, по которой мы вынуждены были, как ты сказал, замарать свои божественные ступни, очень проста и тебе понравится. Мы здесь застряли.

— О, — пожалуй, ничего более осмысленного Свен не смог выдать.

— О, — повторил Уль-Куэло. — И мы начали строить. Нет, не только города и дороги. Мы начали строить новых людей: отбирали самых разумных и обучали их. Как ты понимаешь, нам пришлось полностью выдёргивать наших кандидатов из той среды, в которой они прозябали до этого, чтобы ничто не тянуло их назад. Именно к этим временам восходят те обеты, которые нынешние рыцари дают, вступая в наш орден.

— Сейчас получается не очень, — скривился Свен. — Каждый первый... ну, ладно, каждый второй светлячок — постоянный клиент ближайшего борделя. Все это знают, на словах это осуждают, а потом ближе к ночи, когда думают, что братья не видят, мчат со всех ног осчастливить очередную неприятзательную шлюху.

Свену почти удалось отстраниться от образа, который принял Уль-Куэло. Рыцарь с трудом мог представить, чтобы как-то так он разговаривал с настоящей Ибис. А сидящая перед ним в это время отмахнулась ладошкой от слов островитянина, как от мало значащих.

— Это не так страшно, как ты думаешь. На самом деле нынешние рыцари, даже те, которые, как ты выразился, осчастливливают ближайший бордель, — уже вовсе не те, что были раньше. Так или иначе, разными способами, нам удалось создать копьё, острие, направленное вверх, нацеленное на развитие вашего рода. Оно движется впереди, пробивая дорогу к свету для остальных людей. Да, конечно, есть ещё много работы, но, уверен, с теми рыцарями, которые стоят во главе ордена, с теми, кто дорос до командоров, многое вы сможете сами. Жаль, только, что из всех кьяалди эти результаты вижу только я...

Лже-Ибис печально вздохнула. А рыцаря перед ней неожиданно разобрала обида за весь род людской. Какое вообще право этот «последний из богов» имеет таким способом обсуждать и предков Свена, и его самого, как будто они и не люди вовсе, а просто муравьи в банке?

— Это орден-то ваше острие, направленное на развитие? К свету? Неужто мудрый кьяалди не видит, как его устремлённое вперёд и вверх «копьё» превратилось в вялый хрен,

который в землю глядит? Как потомки лучших из разумных грызутся между собой за власть? Как ищут способ избавиться от ярма, которое навесил на них великий Уль-Куэло?

Не-Ибис вспыхнула, но Свен продолжил, не останавливаясь.

— Ваша необходимость подчинить кровь руннин-тиар — хрень собачья. Мол, с мальварами этот вопрос решён. Что-то поломалось в головах мудрого кьяалди, раз он не видит, как эти самые мальваре косятся на любых, кто отличается от них. Как они набрасываются на руннин-тиар, обвиняя нас во всех бедах человечества. Тот факт, что Уль-Куэло удалось забраться в бошки нескольким наиболее преданным мальварам, ещё не означает, что удалось подчинить своим идеям их всех.

— Свен Стильвиген!.. — голос, осаживающий рыцаря, совершенно не напоминал звучание Ибис Марены.

По рыцарю словно молотом ударили, его прижало к стулу, челюсть потяжелела и слова стали вязнуть во рту, но островитянин так распалился, что нашёл в себе силы закончить:

— Давай, — проговорил он, с трудом проталкивая слова меж сжатых невидимой рукой зубов, — загляни ко мне в голову, узнай, что творится в Равнинных вратах и Старом Ори...

Ибис поднялась со своего кресла и медленно, как перо, летящее по воздуху, стала приближаться. Чем ближе она оказывалась к Свену, тем сильнее его вжимало в неудобное деревянное сиденье. Казалось, затылок сейчас треснет — с такой силой что-то придавило его голову к жёсткой прямой спинке.

Образ девушки расплылся перед глазами, и Свен снова потерял Уль-Куэло из виду. Боль взорвалась в голове, как северный вулкан. Она исказила правильные черты лица островитянина, поглотила его полностью, не позволив издать ни звука. И последней мыслью, прежде чем он провалился во тьму, было понимание того, что он сам на всё это напросился.

Островитянин очнулся всё в той же комнате, сидя на том же неудобном стуле. От вида водяной стены напротив его снова замутило. Уль-Куэло видно не было.

— С возвращением, Свен, — проговорил некто из-за спины, и рыцарь снова не мог определить, кому бы мог принадлежать этот голос. — Будь добр, выпей содержимое кубка до последней капли.

И вновь собственная рука островитянина, ведомая чужой волей, поднесла ко рту кубок с непонятной жидкостью, и, делая глоток, Свен испугался, что сходит с ума.

— Нет, с тобой всё в порядке. Даже в большем, чем я мог представить. Пожалуй, ты — первый человек за тысячу лет, кому удалось меня по-настоящему достать. От того, чтобы уничтожить тебя на месте за твои слова, меня остановило только то, что ты говорил совершенно искренне. И, что хуже всего, как оказалось — правду. Что ж, как видно, за годы существования моего ордена люди действительно вышли на новый уровень. Кто бы мог подумать, что вы научитесь скрывать свои планы от меня. И если бы не твоё искреннее стремление наговорить мне гадостей, я бы так ничего и не узнал. Неужели они действительно готовы попытаться вырвать бразды правления орденом из моих рук! Оставить общение на расстоянии только избранным, лишить идею ордена самой сути, вырвать с корнем благо, оставив только власть над себе подобными! Использовать созданный мной инструмент в своих мелких целях... Тысячи лет — и всё зря?

Свен молчал. Облегчение от того, что невыносимая боль прошла, отступила, оставила его, оказалось сильнее желания язвить дальше. Уль-Куэло, видимо, счёл это молчание за согласие или поддержку.

— Что ж, а теперь выходит, что я доверил ценнейшую информацию практически своим врагам. На кого тогда я могу положиться?

Вроде бы сил у Свена хватило на то, чтобы усмехнуться. Какая-то дикая ирония была в том, что существо, которое только что рассуждало о людях свысока, заговорило, ровно как они.

Свен отлепился от спинки и аккуратно наклонил голову по очереди к одному и другому плечу, почувствовал щелчки. Он оглянулся, втайне надеясь увидеть истинный облик Уль-Куэло, но наткнулся взглядом на всё ту же лже-Ибис, скривился, ощущая в этом привкус пошлости.

— Значит, придётся использовать то, что имеем, — процедила Ибис, обходя кресло. — Теперь ты мне по-настоящему нужен. Точнее не ты сам, конечно, а твоя помощь.

— Серьёзно? Я не ослышался? — бесшабашная наглость захлестнула Свена и отказывалась покоряться робким проявлениям разума и даже воспоминаниям о боли. — Ты ли только что утверждал, что являешься самым могущественным существом мира? А теперь звучит слово «помощь»... Или твою уверенность так пошатнула картинка из моей головы?

— Ты приведёшь ко мне Ибис, — прервал его Уль-Куэло.

— Нет, — отрезал Свен, даже толком не успев осознать суть вопроса и собственный ответ.

— Свен, я не спрашиваю тебя. Я рассказываю тебе то, что ты будешь делать после того, как выйдешь отсюда. Так же, как ты пришёл сюда, ко мне, — выражение лица не-Ибис сделалось мягким, каким-то родительским, как будто девушка объясняла маленькому ребёнку простые истины, вроде тех, что зубы надо чистить каждый день.

Тошнота, успевшая было отступить, и о которой Свен благополучно забыл, накатила снова.

— Зачем она тебе? Что тебе от неё надо? — выплюнул островитянин, стараясь не смотреть в глаза мороку перед собой.

— Она — моя последняя надежда попасть домой.

— А, то есть, я правильно понимаю, что мудрый кьяалди, узнав, что его детище трещит по швам, решил попросту свалить?

Пока Свен произносил эти слова, лицо лже-Ибис как-то осунулось, вокруг глаз проступили чужие морщины, и они почему-то показались Свену до боли знакомыми. Где он уже видел это лицо?

— Я видел тебя раньше?

Не-Ибис вздрогнула и вновь обрела прежнюю свежесть.

— Ха!

Вот и весь ответ.

— Да или нет? — взъелся Свен.

— Пускай тебя мучает этот вопрос и дальше, — улыбнулся одними уголками чужих губ Уль-Куэло. — В наказание за твоё неподобающее поведение.

Стильвиген закатил глаза, запрокинул голову и шумно выдохнул. Спустя миг он снова неотрывно глядел на существо перед ним, силясь уловить тень того проступившего лица.

— Домой — это куда? — островитянин первым нарушил тишину. — Ты только что говорил что-то, про необходимость объединения этого мира, а теперь тебе резко надо домой.

— Предпочитаю проработывать пару вариантов. Обычно это бывает полезно. И тебе рекомендую на будущее, — не-Ибис задумавшись, покрутила пальцем прядь волос. — Так вот есть надежда, что юная Марена — ключ от моего дома. Того, что на звёздах. Ну, ты знаешь эти сказки.

Свен поморщился.

— Если это сказки, то что тогда правда?

Островитянина начала утомлять эта беседа: какое-то брожение вокруг да около, никакой конкретики. Да и вдобавок это омерзительное ощущение, что им играют, словно жонглируют камешком...

— Сказки всегда берутся из правды, Свен. Люди ничего не придумывают на пустом месте. А многие мифы вообще не врут ни капли, — Уль-Куэло вновь задумался, играя не со своими волосами.

Свен подумал, что никогда не замечал этого у Ибис. Но, возможно, ему просто не доводилось?

Тем временем бог в обличии девушки продолжил:

— Тебе это совершенно не нужно знать, но, я уверен, ты обязательно прицепишься, поэтому расскажу. Я давно ищу способ вернуться домой. Как я и сказал, мы изначально тут застряли. И многолетние поиски указали на этого человека, — не-Ибис провела руками вдоль своего тела. — В этой девчонке проявилась кровь её далёкого предка, приведшего в этот мир амбальгован.

— Какого предка? — Свен не успел захлопнуть рот, и вопрос вырвался сам собой.

— Лаксев Йолойю его звали. Не слышал? А ведь я писал про него книгу: слезоточивая история любви могущественного амбальгована и смертной девушки. И как он погиб не то от руки своих, не то от моего удара по Бронпиталю. «Ах!» и «ох!», как печально.

— В орденской библиотеке во Вратах не держали любовных историй, — процедил Стивиген.

Конечно же он знал эту легенду. И вообще он не собирался спрашивать про предка.

— В Тайссери точно есть, там вообще много моих книг о тех временах. Под выдуманнным именем, само собой. Воспоминания, облачённые в форму сказочных историй. Лаксев Йолойю пришёл сюда одним из первых амбальгован и открыл двери в этот мир для второго пришествия морских богов. Но этого ему явно было недостаточно: Йолойю успел сделать ребёнка одной женщине из тех людей, что уже жили на этих землях. Руннин-тиар, «люди моря». А дальше амбальговане что-то не поделили и передрались между собой, и в таком разрозненном виде решили вступить в войну за эту землю с нами. Ну, дальше ты знаешь, уверен, эпическую поэму о гибели Бронпиталя слышал. *Проводник* амбальгован погиб и оставил своих (тех, кто умудрился выжить, конечно) без возможности вернуться или запросить помощь.

— Но остался ребёнок, — вставил Свен.

— Именно. Но он оказался пуст. Ни намёка на способности отца. Тогда амбальговане стали отслеживать его потомков в надежде, что у кого-нибудь да выстрелит.

— И что, ни у кого? — скепсис лился из слов островитянина.

— Да нет, встречались и такие. Но мои люди каждый раз очень быстро решали эту проблему, — совершенно по-человечески объяснил Уль-Куэло. — И сейчас, когда есть практически твёрдая уверенность в том, что то, что мне нужно, проявилось у Ибис, мне позарез нужно, чтобы её не сочли проблемой и не уничтожили, как всех, кто родился до неё.

От одной мысли об этом Свена передёрнуло.

— И как, ты считаешь, она поможет тебе вернуться домой? — задал, наконец, Свен мучавший всё это время его вопрос.

— Двери, двери в пространстве! Она умеет их открывать, — воскликнул Уль-Куэло, всплеснув девичьими руками. — Я просто хочу домой. Свен, я медленно умираю здесь. Конечно, медленно по вашим меркам, не моим. Ваших жизней я ещё много переживу. Но я устал. Когда-то я утверждал, что нашёл новый мир, пограничный — между водными и земными. Меня подняли на смех почти все, кроме семерых друзей. С ними-то мы и пришли сюда. Ха, я был наивным юнцом, желающим открывать и познавать миры...

— М-м, те самые восемь мудрых кьяалди. И что же случилось с друзьями? — задал закономерный вопрос Стивиген.

— А ты как думаешь? — печально усмехнулся Уль-Куэло. — Они погибли в войне с амбальгованами тысячу лет назад.

— Почему бы в таком случае просто не пригласить сюда Ибис и не попросить её о помощи? Быть может, она с радостью отправит Уль-Куэло куда подальше.

— Свен, зачем ты спрашиваешь очевидные вещи? Я что отправлю к ней официальную делегацию от ордена? Нельзя, чтобы кто-то ещё знал, кто она такая и что может.

— Но ты же понимаешь, что и я не стану помогать и приводить её сюда. Это огромный, безумный риск. Вряд ли это кончится чем-то хорошим для Ибис, — пожал плечами Свен. — Её дядю могу привести. Я даже готов разыскать её отца и притащить в Араинд, но не её.

— Ну надо же... — задумчиво протянул Уль-Куэло. — Невзирая на всё то, что плещется сейчас в твоей крови, ты споришь и выгораживаешь эту девчонку. Сколько раз в жизни ты её видел? — Три? Пять? Вас связывает что-то очень любопытное. Помимо ваших непонятных человеческих чувств, конечно. Люди ещё способны меня удивлять...

Стильвиген помедлил. Даже странно: Уль-Куэло копался в его голове, как ребёнок в песке на побережье, но не видел очевидного. Неужели не знал? В конце концов, решил Свен, вряд ли что-то изменится, от того, что он расскажет. Ведь такое встречается довольно часто.

— Закон спасённой жизни.

— И поди отличи, это ваши людские суеверия или рабочий метод. Ну да, и её жизнь с тех пор в некотором смысле принадлежит тебе, — Уль-Куэло задумался, ковыряясь в чужих воспоминаниях. — А потом ты ещё и объявил её своей. При свидетелях...

— Перед целой площадью грёбаных свидетелей! — льдистые глаза Стильвигена торжествующе сверкнули.

— Да, это хорошая и сильная связь. Кроме всего прочего, конечно, — понимающе вскинула брови не-Ибис, а затем победоносно вскинула взгляд на Стильвигена: — Но, знаешь, это не помешает тебе привести девчонку ко мне.

Свен вздохнул, он решил просто прекратить спорить и спросил о другом, не менее важном:

— Ну, а если и она не обладает нужной силой? Допустим, двери между домами ещё куда ни шло, а вот между мирами — не сможет?

Уль-Куэло пожал девичьими плечами:

— Тогда ты станешь отцом её детей, а я ещё чуть-чуть подожду, объединяя народы этого мира и исправляя ошибки.

Плечи островитянина затряслись от беззвучного смеха. Весь этот разговор — это какой-то бред сумасшедшего, цирк уродов, искривлённая реальность, честное слово!

— Мне ли напоминать об обетах, — наконец, вымолвил островитянин, справившись с хохотом, — которые принимают при вступлении в орден?

Лже-Ибис равнодушно махнула ручкой:

— Ах, освобождаю тебя от этого чепухи.

— Отлично, конечно, — кривая ухмылка рассекла лицо Свена, в то время как глаза резко похолодели. — Но Ибис я к тебе не приведу, нет.

Уль-Куэло устало вздохнул, высвободил из-под себя ногу, на которой сидел, наклонился к рыцарю, приблизив к нему не своё лицо:

— Свен. Я повторяю ещё раз — я не прошу, не спрашиваю. Я рассказываю тебе последовательность действий: когда ты выйдешь отсюда, будет объявлено, что Посвящение ты не прошёл полностью — кровь не позволила. Ты, конечно, уже прикоснулся к общему для братьев источнику, но я сделаю, что смогу, чтобы прикрыть твои мысли от пронизательных и особо назойливых взглядов. Затем ты вернёшься в Старый Ори. Скорее всего Ибис уже уйдёт оттуда. Ты напишешь ей письмо, что угодно, ты договоришься с ней о встрече. Бежишь вместе с ней: от своих ли, от её союзников, — не важно. Ты привезёшь мне её в целостности и сохранности. И не позволишь ей попасть к другим рыцарям ордена: они могут или просто убить её или попробуют

использовать в своих целях. Нельзя, чтобы наследница Лаксева попала к ним в руки. Только в мои.

А сейчас ты забудешь этот разговор.

...ты забудешь этот разговор...

...забудешь этот...

...

Свен вышел на залитую солнцем аллею, обрамлённую с двух сторон колоннадой, под весёлые и дружные приветствия — посвящённые рыцари-*светлячки* радостно встречали своего перерождённого брата. Так чисто и легко было на сердце, тело вновь обрело лёгкость и упругость и принадлежало ему. Свен скинул плащ на землю, рассмеялся и, разбежавшись, перекувырнулся в воздухе под аплодисменты братьев.

Пора было возвращаться в Старый Ори.

4 Глава

Конечно же, потом, когда голова прояснилась, и Ибис обрела способность более или менее логически мыслить, снова пришлось бродить по улицам города и искать Тима. Или Кнута. Ну хотя бы эту мелкую Фанку, на худой конец.

Ибис нашла всех троих, когда солнце перевалило за гору, и небо над морем подёрнулось зеленоватой дымкой. Дети обнаружили на крыше Кнута сарая под обрывом, аккурат там, куда прошлой ночью Ибис с мальчиком спускались по верёвке. Сейчас пришлось повторить этот трюк снова. Когда девушка опустилась на крытую дранкой крышу, дети выглядели так, словно только её и ждали.

Фанка молча протянула руку ладонью вверх, и Тим нехотя выложил мелкую монетку. Девочка довольно улыбнулась, уталкивая добычу в карман, и только после этого повернулась к Ибис и снизошла до объяснения:

— Пospорили на зенд, что ты найдёшь нас сама сегодня ещё до ночи. Он, — девочка кивнула в сторону Тима, — не верил.

Ибис кивнула; услышанное промчалось мимо, не оставив в голове следа.

— Тим, я за твоей помощью, — девушка так и осталась стоять рядом с детьми, прямая, словно палка.

Слова с трудом покидали пересохший рот.

— Ага, я понял, — подросток встал на ноги, потянулся. — Тогда идём сейчас, пока есть время. Я до предполуденного отпросился.

Тим спрыгнул с крыши, дождался Ибис, и махнул друзьям рукой. Фанка с Кнутом молча подняли чумазные ладони в ответ.

Стемнело.

Выйдя из подземного хода по ту сторону городской стены, Ибис ещё раз торжественно поклялась Тиму, что никому об этом пути не скажет, и совершенно серьёзно постаралась забыть, где они шли. Вообще-то, ей и не очень пришлось стараться. Голова соображала плохо. Очень отстранённо девушка понимала, что сегодняшнее потрясение выжгло напрочь все мысли в зародыше. Но сейчас и вправду проще было вообще не думать.

Закинув сумку с мелким скарбом на одно плечо, Ибис механически шагала вверх по склону, продираясь сквозь колючий подлесок и не сильно заботясь о том, какие потери несут от этого её штаны. А стоило бы.

Перед тем, как расстаться, Тим указал направление вверх по склону, придерживаясь которого, Ибис выйдет к таверне «На перевале». Так-то девушка могла и сама прикинуть, куда идти, но Тимовы подсказки здорово помогли в темноте. Ибис очень надеялась, что её чувство ориентации в пространстве не подведёт, и она не сильно отклонится в сторону.

Обычно осторожная, умеющая сливаться с пейзажем и становиться незаметной, сейчас Ибис не обращала внимание на то, сколько шума она делает. Девушка не замечала, как замолкают ночные птицы при её приближении, её не трогал запах сломанных и раздавленных ботинками стеблей ароматных горных трав. Добытчица нахватала лицом и шеей паутины, но и та не доставляла привычных неприятных ощущений.

Всё внимание девушки занимали попытки не влететь лбом в почти не заметные во тьме стволы деревьев. А ещё Ибис старалась всякий раз шагать осторожно, готовая к тому, что под подошвой окажется скользкий камень или, что ещё хуже, трещина. Последних в этих краях пруд пруди.

Издали из-за спины, снизу и слева, донёслось раскатистое ворчание — на Чайачьей башне пробили полночь. Оказывается, Ибис потратила почти два гонга, чтобы преодолеть

склон, оставив наиболее опасную часть пути позади. Она наконец-то вышла на более или менее горизонтальную поверхность, отдышалась. Добравшийся до неё звук гонга подсказал направление, и Ибис уверенно пошла сквозь лес дальше, держась на северо-северо-запад, туда, где на ближайшем перевале стоит таверна с одноимённым названием.

Местность продолжала повышаться, но уже не так круто, деревья расступились, предоставив занимать открытое пространство травам и мхам. Непродолжительное время идти было легко, но потом стволы кривых горных сосен вновь сомкнулись вокруг. Интуиция подсказывала, что до перевала уже не очень далеко, и большая часть пути пройдена.

Эта мысль придала сил, и девушка приободрилась. Этого хватило, чтобы растерять остатки бдительности, и неожиданно, делая очередной шаг, Ибис запоздало поняла, что нога проваливается в пустоту, не найдя опоры. Теряя равновесие, добытчица инстинктивно раскинула руки и — о, чудо! — ухватилась за тонкий шершавый ствол, повисла на нём. Девушку прошиб холодный пот. Сколько раз уже вот так в последний момент она удерживалась от падения, которое грозило сломанной шеей? Как долго ещё удача пробудет на её стороне?

Ибис аккуратно восстановила равновесие, нащупала обеими ногами твёрдую прочву и присела, продолжая одной рукой держаться за молодую сосну. Пошарила второй рукой перед собой: действительно, прямо перед ней открылся обширный провал.

Добытчица отдышалась, замерла, оглядываясь и слушая лес. Она как будто только что осознала, где на самом деле находится, и насколько неосторожной она была весь путь от тайного хода.

Но вроде бы ничто не выдавало присутствия кого-то двуного: вполне буднично шуршали кусты и трава, пищали неподалёку летучие мыши, где-то вдалеке ухал филин. Девушка вынула из кармана сумки с вещами кристаллический фонарь, самую малость сдвинула крышку в сторону, направив тонкий луч внутрь того провала, в который едва не угодила.

Во внезапно прорезавшем черноту свете панически метнулись летучие мыши и едва не врезались в девушку. Луч скользнул по тёмной каменной стене, заросшей мхом. Она уходила куда-то далеко вниз. Ибис медленно водила фонарём из стороны в сторону, вверх и вниз, осматривая открывшуюся её взору пещеру.

Если она искала убежище, то, похоже, это именно оно.

Девушка замерла на краю каменного провала, раздумывая, стоит ли ломиться вниз сейчас в темноте, или лучше подождать утра, когда её слуха коснулся чужеродный звук — человеческий голос.

Вскрик.

Затем ещё один.

Голоса звучали довольно-таки далеко отсюда, но всё же достаточно близко, чтобы Ибис уловила, что это скорее звуки радости, чем тревоги.

«Хм, должно быть, голоса у таверны, — подумала девушка, медленно поднимаясь на ноги. — значит, я правильно выдержала направление. Похоже на то.»

Ибис решила, что это знак — она осмотрит пещеру позже, на свету, а сейчас стоило бы на самом деле найти таверну. Она бывала там не единожды на праздниках, которые так любят устраивать Нолин и Аконит. И сейчас, при воспоминаниях о залитом тёплым светом большом зале у неё рот наполнился слюной. Внезапно девушка поняла, что ела в последний раз в гостях у Кнутовых родителей почти сутки назад.

Звуки больше не повторялись, но Ибис хорошо запомнила направление. Натренированная бесконечными ночными вылазками в каменный лабиринт, она на самом деле отлично ориентировалась в темноте. И сейчас добытчица довольно быстро отыскала таверну. Она добралась бы до неё значительно раньше, не бойся она на каждом шагу снова провалиться под землю.

Ибис дважды обошла вокруг двора таверны, обнесённого невысоким забором, и засунула нос везде, где могла. Из незнакомого нашлась только пустая телега во дворе — Ибис приподняла тяжёлое полотно на дне, но под ним ничего не оказалось. В стойлах фыркало с пяток лошадей — это вообще ни о чём не говорит. Мало ли кто ночует?

Затем с четверть гонга Ибис стояла под стволом гигантского дуба, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Сюда доносилось лишь какое-то бубнение и приглушённые толстыми бревенчатыми стенами голоса. Что говорят, не разобрать, но очевидно, сегодня ничего не праздновали. Банальной попойкой тоже не веяло.

Спокойно.

Ибис страсть как не хотелось выходить из тени на освещённое окнами таверны пространство. Пытаться подглядеть сквозь мутные, потёкшие, подёрнутые радужной плёнкой стёкла, что же происходит внутри, было бессмысленной затеей. В конце концов голодный живот и усталость победили.

Проходя через освещённый двор таверны, Ибис чувствовала себя маленькой и уязвимой. В последний миг она замерла перед дверью, думая, а стоит ли стучать? Или, может, надо с ноги распахнуть дверь? Или удастся проскользнуть внутрь незаметно? Последняя мысль звучала бредово, поэтому Ибис взялась за ручку двери, вздохнула и спокойно вошла внутрь.

В неё, словно с разбегу, врзались тепло, свет, безумные ароматы еды, голоса... Против своей воли Ибис замерла на пороге.

А посреди зала стояла Рада и рассказывала что-то рассевающимся вокруг людям. Похоже, что лаксанка первая заметила открывшуюся дверь и замерла, не веря своим глазам.

Вслед за Радой и остальные повернулись к вошедшей. Одного беглого взгляда хватило Ибис, чтобы понять, что здесь нет ни одного случайного лица — все сплошь Яновы выкормыши и кое-кто из тех, что постарше. Ровно та же компания, что крутилась у них с Яном дома. Разве своего дядю Ибис здесь не увидела и мысленно вздохнула с облегчением.

— Ибис, девочка! — бросилась к добытчице Аконит, хозяйка таверны, первая поборовшая удивление. — Заходи скорее, что ты в дверях стоишь!

Девушка сделала шаг внутрь, закрыла дверь, и зал словно снова ожил. Загудели голоса, люди повскакивали с мест, а Ибис обнаружила себя в объятиях Рады.

— Хреново выглядишь, подруга, — прошептала та ей на ухо. — Присоединяйся. Наши, похоже, все здесь. Кто жив, конечно.

Кто здесь «наши», а кто нет, и вообще, чьи это наши, у Ибис не было сил разбираться. Другая мысль билась у неё в голове:

«Не все!»

Снова перед глазами мелькнуло лицо Свена. Он оглядывается и долго смотрит ей прямо в душу своими холодными, почти бесцветными глазами.

«Не все!»

Ибис уронила голову на плечо лаксанке и расплакалась.

Не то чтобы разношёрстная компания, бессрочно задержавшаяся «На перевале» сплошь состояла из друзей Ибис, но, видимо, и присутствие четы Деребо с детьми, и дорогой сердцу Рады, да и вообще знакомые стены и уж точно отсутствие *светлячков* поблизости позволили Ибис расслабиться. Поначалу добытчица была уверена, что готова сожрать барана целиком, но в итоге усталость оказалась сильнее голода. Заявившись в таверну около полуночи, она что-то поклевала за столом и завалилась спать в уютной комнатке наверху.

Ибис проснулась только во второй половине следующего дня, как следует отлежав обе руки и заработав отпечаток постели на весь правый бок. Девушка вообще не помнила, как поднялась вчера сюда, как раздевалась, и сейчас с удивлением смотрела на аккуратно сложенную

кучкой свою уже изрядно запылившуюся одежду на стуле. Впрочем, она быстро поняла, кто позаботился о ней.

Комнату она поделила с Радой. На кровати у противоположной стены среди незнакомых вещей пестрел лаксанкин платок. Стоило бы сразу догадаться.

Словно в ответ на мысли Ибис дверь аккуратно приоткрылась — ровно настолько, чтобы позволить миниатюрной Раде протиснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.